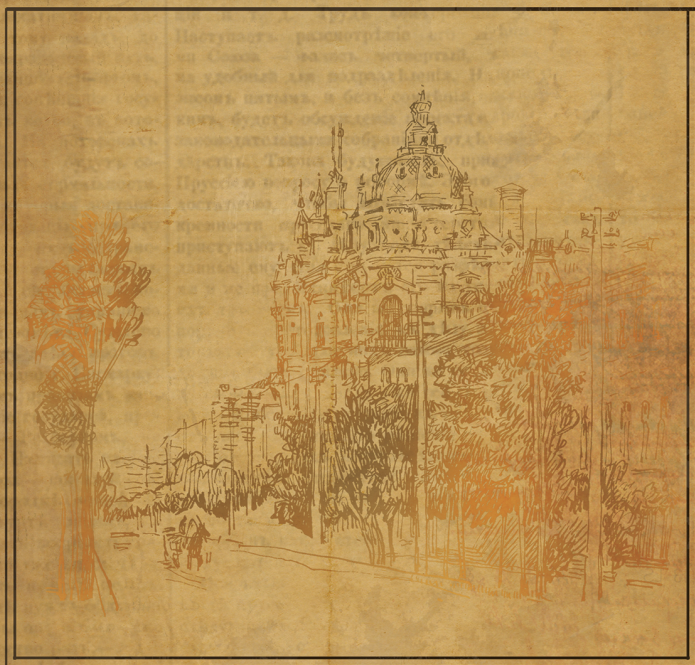


НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Фартовый город

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей



Николай Свечин
Фартовый город
Серия «Сыщик Его
Величества», книга 20

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36084807
Фартовый город / Николай Свечин: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-096505-2

Аннотация

Весной 1907 года начальство послало Лыкова с проверкой в Ростов-на-Дону. Но едва сыщик приступил к ревизии местной полиции, как случилась трагедия: бандиты ограбили скромного бухгалтера, выкололи ему глаза, а тот с горя покончил с собой... Местная полиция решила спустить дело на тормозах. Однако Лыков берется найти убийц. И снова интуиция его не подводит! Он начинает расследование и выходит на заправил преступного мира, которые держат в страхе весь Ростов. И вот перед сыщиком очередное рискованное дело, и ему не остается ничего другого, как вступить в смертельную схватку с бандитами фартового города...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Николай Свечин Фартовый город. Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Художественное оформление *Петра Петрова*

Иллюстрации в блоке текста и на переплете *Екатерины
Асадчевой*

© Свечин Н., текст, 2018

© Асадчева Е., иллюстрации, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

На ревизию

Коллежский советник Лыков сидел в приемной директора Департамента полиции уже десять минут. Трусевич заставлял себя ждать, что было на памяти Алексея Николаевича впервые. Сам же назначил ровно на три! Секретарь делал непричастное лицо и копался в бумагах.

– Да кто там у него так долго? – не выдержал Лыков.

Секретарь хотел ответить, но дверь распахнулась, и в приемную вышел генерал-майор Драчевский. Градоначальник Петербурга принялся кого-то искать глазами. Следом появился директор и указал на сыщика:

– Да вот он. Алексей Николаевич, подойдите сюда.

Лыков приблизился. Драчевский буквально ел его взглядом, а потом спросил действительного статского советника:

– Он точно справится?

Трусевич не обратил внимания на вопрос и сказал подчиненному подчеркнуто вежливо:

– Прошу извинить, что заставил вас ждать. Но дело связано с просьбой господина столичного градоначальника. Генерал Драчевский... Вы ведь с ним лично не знакомы?

– Не имею чести, – сдержанно ответил Лыков.

– Тогда пройдемте в кабинет.

Все трое уселись вокруг рабочего стола хозяина, и тот начал:

– Даниил Васильевич получил назначение на нынешнюю высокую должность с поста ростовского градоначальника. Здесь он человек относительно новый. И старые связи, недоконченные дела... Словом, есть еще нити, что связывают его превосходительство с Ростовом-на-Дону.

Лыков слушал и не мог понять, к чему весь этот разговор. Трусевич заметил это и смутился. Странно – с чего бы Максимилиану Ивановичу смущаться? По мнению сыщика, он был порядочный циник и опытный бюрократ, притом уверенно вел дела Департамента полиции в сложной обстановке. И вдруг не может подобрать слов для рядовой беседы. Лыков знал, что Трусевич, как умный человек, старался ладить с сильными фигурами. Это полезно, так легче служить. Драчевский, занявший свой пост после убийства Лауница, считался восходящей звездой. Неведомыми путями он попал в поле зрения государя и получил завидную для многих должность. И директор его обхаживал. Как-никак, тот имел право личного доклада у Его Величества, да и отвечать за столицу нелегко – нужно помочь неопытному человеку...

– Так вот, – продолжил Трусевич, – мы сейчас готовим рефизию некоторых местностей. Все чиновники особых поручений разъехались, остались вы, Алексей Николаевич, один-одинешенек. И вот нашлось дело и для вас.

Лыков насторожился. На календаре май тысяча девятьсот

седьмого года. Только-только, по мнению несведущих людей, подавлен мятеж. Или революция, как утверждает левая пресса. Сведущие же люди знают, что это не так. Большой пожар потушен, но осталось много непогашенных кострищ. Крестьяне центральных губерний громят помещичьи усадьбы, латыши жгут немецкие мызы, в Польше каждый день убивают русских, на Кавказе кровь льется без конца, и замирения не видать. Начальство обеспокоено. МВД действительно разослало по всей империи ревизоров, якобы проверить делопроизводство. На самом деле командированные должны оценить степень напряженности в обществе и дать оценку местным властям – достойно ли те действовали в условиях мятежа? Из всех старших чинов департамента сыщик один не получил назначения. Но похоже, пришла пора и ему собирать чемодан.

– Так вот, Алексей Николаевич, – продолжил после глубокомысленной паузы Трусевич. – Вы едете на ревизию Ростовского-на-Дону градоначальства. Того самого, которым еще недавно заведовал Даниил Васильевич. Он пришел попросить самого опытного из моих сотрудников и самого объективного. Я назвал вас.

Драчевский, доселе молчавший, заговорил – нервно и то-ропливо:

– Господин Лыков, я хочу быть правильно понятым. Не то чтобы я боюсь! Упаси Господь, я ничего не боюсь. И не надо приглаживать результаты вашей ревизии. Но если вдруг воз-

никнет вопрос, или недоумение какое, или там померещится упущение... Не торопитесь делать выводы, а свяжитесь сначала со мной. По телеграфу либо письмом, как вам удобнее. И я разъясню все, отложу другие дела и быстро-быстро отвечу. И сочту, так сказать, за одолжение с вашей стороны. Вот.

Коллежский советник понял: Драчевский опасался, что в ходе обследования ростовских событий всплывут какие-то старые грешки. И шлейф от них дотянется до столицы. У градоначальника всегда много недоброжелателей. Уж больно лакомое место, и по содержанию¹, и по статусу. Вот генерал и решил подложить соломки, заранее сговориться с проверяющими, чтобы смягчить доклад министру внутренних дел.

Алексей Николаевич встал:

– Ваше превосходительство...

– Для вас Даниил Васильевич.

– Благодарю, Даниил Васильевич. Я много лет служу по департаменту и знаю, что хорошие отношения с петербургским градоначальством есть залог нормального хода нашей службы. Одно дело делаем. Обещаю ничего не писать в рапорте министру без самой строгой проверки фактов. Вещи спорные или непонятные предварительно разъяснять с вашей помощью. И вообще, гадить или подличать тут не принято. Максимилиан Иванович не допустит, да и я не большой этого любитель.

¹ Содержание – жалованье. (Здесь и далее прим. автора.)

Генерал рассыпался в любезностях и вскоре удалился. Трусевич проводил его до дверей приемной и вернулся; он снова выглядел смущенным.

– Уф, как утомил меня этот человек!

– Чего он так нервничает? – спросил сыщик. – Ну, ревизия. Мало ли их было? Или в Ростове осталось что-то непотребное, опасное для Драчевского?

Действительный статский советник пожал плечами:

– По моим данным, ничего страшного он там не натворил. Иначе не попал бы на такую должность. Просто...

Он задумался.

– Ну, провинциал, в Петербурге новичок и без особых связей, высокого родства тоже не имеет. И помнит русскую поговорку: была бы шея, а хомут найдется. Им уже многие недовольны, хотя он прослужил тут всего ничего. Норовят очернить и перед государем, и перед Столыпиным. А в Ростове в пятом году был еврейский погром, а следом вооруженное восстание.

– Погром, а потом восстание?

Союзник – член «Союза русского народа», черносотенец.

– Да. Вот бедняга и мучается подозрением. Вы же знаете, Алексей Николаевич, как меняются ветры в голове начальства. Ругают то за излишнюю жестокость, то за мягкотелость. Войска вынуждены были стрелять в бунтовщиков, имелись жертвы. Потом город два дня громили союзники²,

² Союзник – член «Союза русского народа», черносотенец.

сожгли несколько домов, убили сколько-то евреев. Попало в прессу... Как это сейчас оценить, задним числом, когда все успокоилось? Даниил Васильевич опасается, что передернут карты. Я его понимаю. И вот что скажу: давайте ему поможем. Хорошие отношения со столичной полицией нам действительно на пользу.

– Слушаюсь. Но если там что-то и впрямь безобразное, я вам честно доложу.

– Конечно. Тогда станем думать, как быть. Пока Драчевский справляется, особых глупостей не творит. Уж получше Лауница, упокой Господи его грешную душу...

Лыков промолчал, но про себя подумал: надо поддержать генерала. Он вспомнил, что одного года с Драчевским. И Даниил Васильевич точно так же, как и сыщик, юным добровольцем пошел на турецкую войну. В девятнадцать лет Лыков бился на Черноморском побережье и едва выжил. А Драчевский оборонял Шипку и тоже был тяжело ранен.

– Разрешите выезжать?

– Приказ я уже подписал. Срок вашей командировки – месяц. Достаточно?

– Вполне, Максимилиан Иванович. А в случае чего продлите.

– Это вряд ли. Здесь тоже полно забот. Держите меня в курсе дела и помните о просьбе градоначальника быть объективным.

Лыков пришел домой и с порога крикнул:

– Ольга!

Три месяца назад они с Ольгой Дмитриевной Оконишниковой, как сейчас говорили, сошлись. То есть стали жить вместе, а не встречаться время от времени. Коллежскому советнику пришлось переехать в более просторную квартиру на Николаевском проспекте. Старая прислуга Нина Никитична, чьего осуждения Лыков немного опасался, одобрила его решение:

– Вот и хорошо, Алексей Николаич. Нечего жить бобылем да в книжку вечерами смотреть. И ей легче, и вам.

Подобное сожителство уже никого не удивляло, тем более в Петербурге. Лыков даже предложил Ольге Дмитриевне обвенчаться, чтобы оформить отношения. В свое время, требуя развода, женщина взяла на себя вину за прелюбодеяние – лишь бы сбежать от ненавистного мужа, гуляки и развратника. Все отдала в обмен на свободу: дом в Ростове, отцовский капитал и даже честное имя. И уехала в столицу, где жила тихо и скромно на остатки своего наследства. Оконишников быстро женился на другой и так же быстро раструсил состояние первой супруги. Пустился в авантюры и запутался в махинациях с земельными участками. Деньги, взятые в банке под залог дома, он вернуть не сумел и в результате разорился. Поступил было на службу в городскую управу, но попался на вымогателстве. Находясь под судом, за три дня до вынесения приговора пошел купаться и пропал. Обнару-

жили тело незадачливого дельца на одной из многочисленных донских отмелей. То ли несчастный случай, то ли самоубийство – следователь разбираться не стал и дело прекратил.

Поскольку Ольга Дмитриевна в свое время призналась в прелюбодеянии, ей, как виновной в расторжении брака, консистория венчаться вторично запретила. В паспорте разводки значилось, что она «обречена на вечное безбрачие». Лыков заявил подруге, что ему на это наплевать, он понимает, что женщине трудно в незаконном сожительстве. И готов обойти вокруг аналогия чин чином, в Божьем храме. А запрет люди из консистории пусть засунут куда подальше, не их собачье дело судить и рядить такие вещи. Найти батюшку, который совершит обряд без брачного обыска, всегда было невеликой проблемой. А в нынешнее бессовестное время и подавно. Спустя месяц испрашивается чрезвычайное помилование, и дело в шляпе... На худой конец, чиновник особых поручений Департамента полиции в шестом классе³ легко мог добыть чистый паспорт, без лишних пометок. Но Ольга, к удивлению сыщика, отказалась. Заявила: мы с тобой уже едем с ярмарки, о любви речи нет, а жить бок о бок, дабы не тосковать в одиночестве, можно и так. В результате немолодые мужчина и женщина поселились вместе. Несколько семейств принимали их как супругов: чета Таубе и пара сослуживцев Лыкова по Департаменту полиции.

³ То есть в чине коллежского советника.

Нефедьевская родня по линии покойной Варвары Александровны отвернулась от сыщика. На это ему тоже было наплевать, а вот мнение детей сильно волновало. Он написал им письма и со страхом ждал ответа.

Первой откликнулась принцесса Шурочка, уже много лет как парижанка. Она отстучала экспресс, в котором звала отца с его новой женой (так и было сказано в телеграмме) в гости. Чтобы познакомиться и подружиться. Сын Николай прислал из Туркестана длинное письмо, в котором радовался за отца, что тот теперь не один. А сын Павел приехал сам. Его неожиданно перевели в столицу, и не абы куда, а в разведывательное отделение Главного управления Генерального штаба. Оба сына Лыкова служили в Туркестане именно по секретной части. Николай отвечал за освещение Персии и Афганистана, боролся с англичанами. Павел занимался Турцией, а в душе тяготел к европейскому театру действий. С помощью Таубе он оказался в Петербурге и вел теперь секретное делопроизводство по Германии. Брюшкин (семейное прозвище Павлуки) всегда был проницательнее своего простодушного брата. И лучше умел устраивать личные дела. Вот и теперь Чунеев (прозвище Николки) корпел в душном Ташкенте над тайными разведками в Тибет. А его близнец смотрел в окно на купол Исаакиевского собора и думал, в какой театр ему пойти сегодня вечером. Но главное, молодой поручик Лыков-Нефедьев от имени всех детей лично засвидетельствовал Ольге Дмитриевне искреннее почтение и благо-

дарность за то, что она скрасила одиночество отца.

Жил Павел отдельно, снимал номер в «Англетере» (доходы от имения позволяли), но по воскресеньям и непростительным дням заходил в гости. И вообще не бросал папашу, чем очень того радовал. Он заглядывал на Николаевский не только из вежливости. Сейчас Брюшкин окручивал девицу из рода Мордвиновых и нуждался в консультациях. Поручик с разводкой устроили целый заговор по обольщению чересчур строгой невесты. Ольга давала Павлуке ценные советы насчет психологии барышень на выданье. Дело продвигалось: молодые уже танцевали вместе на всех балах. Жаль только, что по понятным причинам поручик не мог пригласить пассию в дом своего отца.

Тогда Оконишников с Лыковым-Нефедьевым решили заманить юную Мордвинову в гости к Таубе. Просто так туда барышня прийти, конечно, не могла. Но Виктор Рейнгольдович оказался дальним родственником ее матери. Барона с женой тоже вовлекли в заговор. Мордвиновы должны были приехать втроем: родители и дочка. А в ходе чаепития Брюшкин предложит покататься на островах. Экипажи уже подобраны и проинструктированы, гостей рассадят так, что поручик с барышней окажутся вдвоем. Ну и... Все эти невинные интриги весьма занимали и Ольгу, и баронессу Таубе, а главное, помогали наладить отношения Оконишниковой с детьми ее избранника.

– Ольга! – повторил Лыков, снимая пальто. – Есть ново-

сти!

Та вышла из будуара и стала напротив, сложив руки на груди:

– Слушаю. Ты чего такой возбужденный?

– Завтра еду в командировку. Давай со мной.

– То есть? – удивилась Ольга Дмитриевна. Лыков уже не раз уезжал по делам службы, но один. А тут вдруг зовет прокатиться.

– Меня посылают на ревизию на целый месяц. Знаешь, что буду ревизовать? Ростовское градоначальство!

– Ой! Неужели правда?

– А то!

– И... мне действительно можно с тобой?

– Конечно. Не на весь месяц – это помешает отношениям с тамошними властями. Но на несколько дней вполне позволительно. Посмотришь свой город, какой он стал. Наверняка будет тебе чем заняться. Ну и мне покажешь, что захочешь.

Оконишникова несколько секунд раздумывала, потом решительно хлопнула в ладоши:

– Еду! Я давно, по правде сказать, мечтала туда наведаться. И все боялась.

– Чего боялась? – не понял сыщик.

– А всего боялась. Денег на поездку у меня нет, надо просить у тебя, а это... трудно.

– Вот пустяки! Давно бы сказала!

– Потом, остановиться мне в Ростове негде, пришлось бы

снимать гостиницу. А сам знаешь, как там относятся к одиноким женщинам.

– Это Россия, а не Кавказ, – возразил Лыков.

– Но с тобой... С тобой – другое дело. Однако подумай, не скомпрометирую ли я тебя? Приехал чиновник особых поручений из Петербурга, должен им холку мылить. И привез непонятно кого. Сразу полетят доносы твоему Трусевичу.

– Трусевич про тебя знает. Он не суется в личные дела, если они не мешают службе. И как твой приезд помешает? Поживешь дня три в смежном номере. Мы только вечерами сможем побыть вместе, днем я буду занят. Сходим в театр. В Ростове есть театр?

– И даже не один.

– Познакомишь меня со своими подругами, – продолжил Алексей Николаевич. – Ведь не все же они ханжи?

– Ростов – город коммерческий, широкий. Нравы довольно простые. Вот только подруг у меня там нет. Есть лишь один человек, которого хочется увидеть.

Голос у разводки дрогнул. Лыков присмотрелся – что такое?

– Кто этот человек?

– Первая любовь. Папенька не отдал меня за него по бедности Аркадия, и вот что из этого получилось... – Ольга Дмитриевна шмыгнула носом и отвернулась.

– И что теперь с ним? Где он, по-прежнему живет в городе?

– Год назад жил. Я наводила справки. Служит в каком-то комитете и, знаешь, так и не женился.

– Ну вот, получится, что я сам привезу тебя ему? И останусь с носом? – попробовал отшутиться сыщик. – Выскочишь за него замуж! Наверняка твой Аркадий до сих пор по тебе тоскует.

Но подруга шутки не поддержала, а наоборот, спросила предельно серьезно:

– Это тебя беспокоит? Если так, я останусь здесь. Попрошу лишь передать ему записку. Он хороший человек, но, кажется, невезучий. Несчастный. Судя по тому, что мне рассказали.

– Нет уж, – ответил коллежский советник. – Чему быть, того не миновать. Ты мне не жена и сама решишь, как поступить. А поедем вместе.

– Спасибо, – коротко поблагодарила Ольга Дмитриевна и ушла к себе. Она вообще была немногословна, что нравилось Лыкову. А в мужчинах больше всего ценила честность.

Правда, вскоре Ольга Дмитриевна вернулась:

– Я забыла спросить: когда мы выезжаем?

– Завтра день на сборы, послезавтра в путь. Вот тут я выложил деньги, пошли рассылного за билетами и купи что нужно в дорогу. Сколько ехать до Ростова и как?

– Почти трое суток. Можно через Тамбов, Воронеж и Новочеркасск, можно через Орел, Курск, Харьков и Таганрог. Азовское море увидим... Погоди-ка!

– Что еще? – насторожился Алексей Николаевич.

– А как же Павлука? Мы обещали ему помочь с поездкой на острова.

– Тоже мне, нашла проблему! Баронесса Таубе справится и без тебя. Я вообще удивляюсь, как этот молодой пройдоха окрутил вас, двух взрослых серьезных дам, и заставил прислуживать себе.

– Не прислуживать, а помогать! – взвилась Оконишников. – А как – очень даже понятно.

– Объясни мне, я не понимаю.

– Потому что старый, вот и не сообразишь. Твой сын молод, красив, умен, хорошо воспитан...

– Богат, – язвительно вставил папаша.

– Богат, что тоже приятно, – кивнула Ольга. – А еще он порядочный. Чего еще надо барышне? А ей, между прочим, уже двадцать пятый год! Пора определяться, не то застрянет в старых девах.

– То есть вы хлопчете для ее же пользы? – продолжил иронизировать сыщик.

– Для ее, для пользы Павла, а также и для твоей. Тебе что, не хочется еще внуков?

– Хочется, – признался Алексей Николаевич.

– Вот и помалкивай. А мы с баронессой сделаем все как надо.

Глава 2

Знакомство

Курьерский поезд Юго-Восточной железной дороги доставил пассажиров на ростовский вокзал к полудню. Лыков снял купе целиком, а кондуктору велел убрать ширму между отделениями, присовокупив серебряный рубль. Поэтому ехали они по-семейному, без соседей.

На перроне командированный осмотрелся и спросил:

– Это и есть твой родной город? Неказисто.

Ольга Дмитриевна пояснила:

– Ростов на той стороне Темерника. А это называется Затеме́рницкое поселение. Место действительно неустроенное...

– А Темерник, стало быть, речка?

– Да. Она огибает город с севера, а вскоре за вокзалом впадает в Дон.

– Поехали скорее в устроенное место, хочется ванну взять.

Носильщик потащил чемоданы на биржу извозчиков. Те накинулись на прибывших пассажиров подобно стервятникам. Алексей Николаевич величественно отмахнулся, выбрал самого степенного и велел грузить багаж.

– Куда прикажете везти, ваше высокоблагородие? – поин-

тересовался возница.

– А куда барыня велит, туда и вези.

Ольга озиралась с растерянной улыбкой. Десять лет назад именно отсюда она уехала в Петербург и с тех пор не возвращалась в родной город. Как тот встретит беглянку? Услыхав, что требуется ее решение, барыня сказала:

– Прокати нас, голубчик, по Большой Садовой до межи. А уж потом доставь в «Европу».

– Надеюсь, там прилично? – встрял питерец.

– При мне было достойно, а сейчас не знаю. В случае чего переберемся в «Большую Московскую» или «Сан-Ремо». Навряд ли все они в одночасье испортились. И вообще, дорогой, ты как-то пристрастен к моему городу. Вот увидишь его лучшие улицы, тогда и поймешь, как он хорош.

– Трогай.

Одноконная пролетка миновала грязную привокзальную площадь и долго ехала вдоль пакгаузов. Вдруг ее с веселым треском обогнал электрический трамвай.

– Ух ты! При мне его не было. Давай как-нибудь покатаемся?

Трамваи появились уже во многих городах империи, но Петербург упорно игнорировал столь удобное новшество. Только в этом году, наконец, городская управа начала проводить первую линию.

Экипаж вырвался из станционных теснин, переехал по мосту через речку и оказался возле каких-то фабричных

корпусов.

– Ну и где твой красивый центр?

– Погоди еще чуть-чуть. Это писчебумажная фабрика Панченко. Сразу за ней лучшая улица, Большая Садовая, там ты ахнешь.

Они миновали фабрику, поднялись в гору, и Лыков действительно ахнул. Далеко вперед тянулся роскошный проспект, застроенный трех- и четырехэтажными домами. Магазины с большими зеркальными витринами, деловые конторы, гостиницы со швейцарами, солидные банковские вывески, подтянутые городовые на перекрестках. Ай да Ростов! Центр, сколько видел глаз, оказался застроен правильными кварталами, словно по одному лекалу. Вокруг катили богатые коляски с мордастыми кучерами, а в колясках восседали тучные преуспевающие негоцианты. Торговый город, вспомнил сыщик характеристику Ростова. И правда, весь его вид свидетельствовал об успехе и процветании. Южная столица, русский Чикаго – так называли Ростов в газетах. Счастливым образом в этом месте соединились три железные дороги и водный путь. До Азовского моря всего шестьдесят верст, а это выход в Черное море и, стало быть, на заграничные рынки. Пол-России сбывает свои товары через здешний порт, вот город и купается в деньгах...



Ольга сидела довольная и указывала спутнику на местные достопримечательности:

– Вон, смотри, это Городской сад. Там внутри театры, ты о них спрашивал. Тут реальное училище, следом – городская управа. Ой! А вот этого при мне не было! Голубчик, что за новый храм у вас тут строят?

– Это, барыня, Александро-Невская церковь, – ответил извозчик.

– Какая огромная... Больше старого собора. А когда освятят?

– Да уж почти готова, осталось росписи докончить да ограду поставить. Обещают к осени завершить. Туда уж пу-

щают, я заходил – красиво! Полы-то все мраморные, и иконостас тоже.

Гостиница «Европа» занимала дом номер шестьдесят по Большой Садовой улице, на углу с Таганрогским проспектом. Трехэтажное здание красивой архитектуры, с важным швейцаром у дверей понравилось питерцу. Приезжих встретили с должным вниманием. Лыков заказал два смежных номера, соединенные межкомнатной дверью. Дверь велел отпереть. В паспорт для прописки гость вложил трешницу, и щекотливый вопрос мгновенно был улажен.

Они приняли ванну, перекусили в буфете и сели обсудить, что делать дальше. Был третий час. Идти в присутственные места рискованно – вдруг местные бюрократы уже разбежались? Но и гулять вроде как рано. Лыков подумал и решил все же начать с властей. Надо представиться первому лицу.

Ростовское-на-Дону градоначальство было создано всего два года назад. Сам Ростовский округ входил в состав Области Войска Донского. Но торгово-промышленный характер города выбивался из казачьих традиций. В итоге округ оставили казакам, а городом руководил собственный градоначальник, подчиняющийся напрямую министру внутренних дел. Даже не одним городом, а двумя, поскольку в полицейском отношении ему также подчинялся соседний Нахичевань-на-Дону, что выше по реке. А затем в связи с революционными событиями учредили еще и должность временно-го генерал-губернатора. Оба кресла – и генерал-губернатора,

и градоначальника — занимал один человек, полковник Иван Николаевич Зворыкин. Точнее, и там и там он значился как исправляющий должность. Но в провинции на такое внимания не обращали, и полковник считался полновластным хозяином.

Управление градоначальника помещалось на Пушкинской, 101. Ольга сказала, что идти туда из гостиницы четверть часа, извозчика можно не брать. А сама облачилась в лучшее платье, подкрасила губы и долго размышляла, как быть с очками в золотой оправе. То снимала, то опять надевала — никак не могла решиться предстать перед своей первой любовью близорукой. Удалилась, оставив очки на столе. Не попала бы под лошадь!

Алексей Николаевич сунул в карман командировочное предписание и отправился на Пушкинскую. Он не надеялся застать там Зворыкина и уже обдумал план дальнейшей прогулки. Но к его удивлению полковник оказался на месте и даже ждал столичного ревизора. Интересно, узнает он Лыкова или нет? Два года назад они встречались мельком в Москве. Шло вооруженное восстание, на улицах Первопрестольной обильно лилась кровь. Сыщик охотился за Колькой-куном, атаманом шайки крестьян-анархистов⁴. А Зворыкин командовал дивизионом в Первой гренадерской артиллерийской бригаде, которая в пух и прах разносила баррикады бунтовщиков. На ночных совещаниях у губернато-

⁴ См. книгу «Банда Кольки-куна».

ра Москвы Лыков приметил немногословного полковника с академическим знаком. Теперь этот человек отвечал за Ростов.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич. – Хозяин кабинета протянул гостю руку. – Да, летит время, летит... Помните, что тогда в Москве творилось?

– Добрый день, Иван Николаевич. Помню, все помню. Как можно забыть тот ужас? Главное, чтобы он не повторился.

– Да уж! – Градоначальник нахмурил брови. – Нет ничего хуже, чем стрелять по своим.

– А вы, стало быть, перелицевались из строевого офицера в администратора?

– Пришлось. Министр предложил, государь приказал. Куда было деваться?

Лыков решил, что у него с этим человеком возможно полное взаимопонимание. Зворыкин выглядел спокойным, уверенным, но без излишней властности, которая превращает нормального человека в деспота.

– Драчевский вам телеграфировал?

Полковник кивнул, лицо его приняло ироничное выражение.

– Две депеши прислал. Чего он так боится? Не пойму. Все в порядке, если не считать разгула преступности. Но генерала в Петербурге за наших ростовских жуликов никто не спросит! Спросят за своих. Он что, просил вас причесать рапорт?

– Навроде того.

– Смешно слышать. Во время восстания, в декабре девятьсот пятого, Драчевский до Ростова еще не доехал. Только номинально вступил в должность.

– А кто же тогда воевал с бунтовщиками?

– Обязан был предыдущий градоначальник граф Коцебу барон Пиллар фон Пильхау, – вздохнул полковник. – Но он самоустранился еще в октябре, когда случился еврейский погром, за что, кстати, и полетел с должности. Струсил граф-барон, растерялся. Всю черную работу сделал временный генерал-губернатор Макеев.

– Значит, Даниилу Васильичу бояться старых грехов не стоит. А вам? – поддел хозяина командированный.

– А мне так даже интересно, что вы напишете о наших делах. Как их увидите, что посоветуете. Алексей Николаевич, прошу уж по-честному. Что хорошо, а что плохо. Договорились?

– Пусть будет по-честному, – охотно согласился питерец. – Даниила Васильевича действительно лучше побережь, ему в столице трудно приходится с непривычки. Если ничего страшного за ним не обнаружу...

– Не обнаружите, – лаконично подтвердил Зворыкин.

– ...то так и напишу. А что касается ваших дел... Я ведь, Иван Николаевич, в первую очередь сыщик. А чиновник из меня неважный, делопроизводство – не мой конек.

– И что из этого следует? – Градоначальник веселел на

глазах.

– Рано радуетесь. Буду смотреть внимательно, как вы тут с криминалом боретесь. В этом я кое-что понимаю.

– Да ради бога. Сказал уже, что буду признателен за справедливые замечания и компетентные советы.

– Ну тогда ударим по рукам, – констатировал Лыков. – Я могу увидеть полицмейстера? Кто он, что за человек?

Веселость Зворыкина сразу улетучилась.

– Да нет в Ростове настоящего полицмейстера, – сказал он с сильным раздражением. – Уголовных пруд пруди, а специалиста, чтобы порядок навел, никак не сыщем.

Действительно, Ростов по количеству преступлений на тысячу душ населения выделялся в худшую сторону. Зловещая слава криминальной столицы Юго-Востока была на слуху.

– Но кто-то формально есть?

– Именно что формально. До недавнего времени полицмейстером был коллежский ассессор Прокопович. Но я его уволил.

– А кого назначили на его место? – поинтересовался Лыков, записывая фамилию в блокнот.

– Коллежского ассессора Липко. Но и он фигура временная, до появления подходящего человека. Так-то опытный, службу знает, все вроде бы при нем. Но как вчерашний строфик скажу: нет у Петра Ивановича командной жилки. Там, где надо надавить, потребовать, он иногда теряется.

– И с кем мне говорить?

– С ним говорить, с Липко. Петр Иванович хотя бы может держать кадр в руках.

– А по-настоящему с кем иметь дело?

– С заведывающим сыскной частью.

– У вас есть сыскная часть? – удивился командированный.

– Создали в прошлом году, – пояснил хозяин кабинета. – Драчевский успел выбить деньги из МВД.

– А кто там главный?

– Коллежский регистратор Блажков.

Алексей Николаевич помолчал, обдумывая услышанное. Коллежский регистратор – низший чин в Табели о рангах. Такому трудно отдавать приказания по полиции. Но в провинции это повсеместно: сплошь и рядом классные должности занимают люди, не имеющие чина.

– И как он?

Градоначальник убежденно заявил:

– Этот человек – на своем месте. Храбрый, опытный, давно ловит жулье и знает все отрепье в лицо.

– И всего лишь коллежский регистратор, – не удержался от упрёка Лыков.

– Что поделать, – развел руками Зворыкин. – Сами знаете, как у нас идет производство. Нет образования – нет и чина. А у Якова Николаевича только реальное училище. И хотя дело он знает как никто другой, сидит в четырнадцатом классе.

– И вы ничего не пытались сделать? Сейчас на образова-

ние повсюду смотрят сквозь пальцы...

Полковник ответил с раздражением:

– Я подавал представление министру – вычеркнул. Орден святого Станислава третьей степени за участие в подавлении восстания дали, а следующий чин – нет.

– Погляжу на вашего Блажкова в деле. И, если он так хорош, как вы говорите, толкну. А директор департамента поддержит, он понимает, что главное – деловые качества человека, а не его формуляр.

– Это было бы очень хорошо, – сдержанно ответил Зво-рыкин, видимо, не сильно доверяя словам гостя.

– Ну, Иван Николаевич, не буду больше вас отвлекать. Телефонуйте, пожалуйста, этому... Липко. И пусть вызовет Блажкова. Мне часто придется взаимодействовать с сыщиками, лучше сразу познакомиться. Месяц у вас просижу, чем смогу – помогу. А по итогам отдельно встретимся. Рапорт мой вы увидите самым первым. Что не так – обсудим.

– Благодарю, – ответил полковник, снимая трубку телефонного аппарата. – Возьмите мой экипаж и езжайте в полицейское управление на Скобелевскую сорок один, вас там будут ждать.

Новоиспеченный полицмейстер Ростова и Нахичевани Липко встретил ревизора почтительно. Видимо, шеф дал соответствующие указания. Не успели они сесть за стол, как явился начальник сыскной части Блажков.

– Ваше высокоблагородие! Разрешите представиться... –

доложил он по-военному.

Питерец протянул ему руку:

– Здравствуйте, Яков Николаевич. А меня зовут Алексей Николаевич Лыков, я коллежский советник, чиновник особых поручений Департамента полиции. Приехал к вам с ревизией уголовного делопроизводства. Ну, не только уголовного, но преимущественно... Только что вышел от полковника Зворыкина, он сказал, что по криминальным делам надо говорить именно с вами. Господа, позвольте начать?

Ростовцы сели, заинтригованные.

– Министр внутренних дел гофмейстер Столыпин разослал по всей стране ревизоров. Я один из них. Наша задача – сделать своего рода моментальную съемку, обзор, как обстоят дела после подавления открытых форм мятежа. С этой целью ревизоры будут изучать криминальную и политическую обстановку, давать оценку действиям властей на местах...

Липко заволновался и сразу попробовал перевести стрелки:

– Ежели речь о мятеже, то надо в первую очередь посмотреть на действия жандармской полиции. Мы, общая полиция, у них были на подхвате. Что нам велели, то и делали.

– Разумеется, я проверю и их тоже. Но начать решил с вас. Блажков слушал разговор со спокойным безразличием. Он сразу понравился питерцу: неброский, смотрит внимательно, по-сыщицки; движения уверенные, неспешные.

– Бюрократ я еще тот, – продолжил Лыков, – бумажки пе-

рекладывать не люблю. Предпочитаю заниматься чем-то более живым. Например, посмотрю, как у вас обстоят дела с негласной агентурой. Еще мне интересны процент раскрываемости, учет вещественных доказательств, состояние картотеки, количество дел, возвращенных прокуратурой для повторного дознания...

Полицмейстер уже откровенно заерзал на стуле, а заведывающий сыскной частью оставался невозмутимым.

— Для начала попросил бы вас, господа, обрисовать криминальную обстановку в городах. Я правильно понимаю, что полицейское управление одно на оба города?

— Правильно, — кивнул Блажков.

— А как так вышло, что их у вас два в ряд?

Коллежский регистратор хмыкнул и покосился на начальство:

— Кто будет докладывать, Петр Иванович, вы или я?

— Давай ты, тебе лучше знать.

Главный сыщик кивнул и вынул из кармана пачку исписанных листов.

— Вам по бумажке, Алексей Николаевич, или как?

— Смотря что в бумажке.

— Там статистика.

— Статистику посмотрю обязательно, это интересно. Но сначала послушаю вас. Начните своими словами. Если чего-то не пойму, то спрошу.

— Ясно. Значитца, так...

Глава 3

Очерк преступного мира Ростова и Нахичевани-на-Дону

– Я сперва объясню, почему у нас на два города одно полицейское управление, – начал Блажков.

– Извольте. Какое хоть между ними расстояние?

– Две версты.

– И стоило турусы разводить? Почему их не объединят в один?

– Так сложилось исторически. Ростов вырос вокруг военной крепости святого Дмитрия Ростовского. А Нахичевань – это место, куда переселили из Крыма армян, еще в конце восемнадцатого века. Русские взяли Крым и обнаружили там угнетаемое православное население. А конкретно, греков с армянами. Греки подсуетились и первые попросили царицу Екатерину переселить их в пределы России. Армяне следом. Вот им и выделили землю под охраной крепости.

– А почему Нахичевань? – продолжил расспросы питерец. – Есть же такой город на Кавказе.

– В то время он еще был под турками. В честь него и называли наше поселение. А в тысяча восемьсот двадцать восьмом году, как отбили ту, настоящую, у османов, стало в России две Нахичевани. Спустя десять лет, чтобы не путаться, у

нашей изменили название, и сделалась она Нахичевань-на-Дону.

– И это целый самостоятельный город?

– Вполне. Там своя городская Дума, своя управа, бюджет, земля. Только полиция общая. В нашем управлении семь участков: четыре в самом Ростове, пятый за речкой, в За-темерницком поселении, а еще два – в Нахичевани. Полицей-мейстер один на всех.

Тут Липко тоже решил принять участие в беседе:

– А земли, Алексей Николаевич, у этих армян считать – не сосчитать. Матушка-царица дала, не поскупилась. А нам шиш с маслом. Мы их по населению превосходим в пять раз! А площадь Нахичевани больше нашей тоже впятеро... В Ростове сто пятьдесят тысяч жителей, а у них только тридцать. У нас на все про все четыре тыщи десятин, из них под застройкой всего тыща четыреста. Теснота же! А у них двадцать тыщ десятин, включая левый берег. Где справедливость? Мы тут задыхаемся, расти некуда, люди землю под дома на аукционе за бешеные деньги покупают. А григоряне жируют.

– Но ведь Ростов – такой богатый город. Неужели нельзя решить этот вопрос?

– Богатый-то он богатый, но для кого? – обиженно ответил полицмейстер. – Все тутошние богачи – или евреи, или армяне, или греки. Русских-то почти нет.

– Продолжайте, – скомандовал Лыков Блажкову, пони-

мая, что иначе коллежский асессор уведет разговор в другое русло.

– Слушаюсь. Так вот, между городами проложена межа. То и дело на нее залезают с обеих сторон, где законно, а где и незаконно. Еще несколько лет, и застроят ее совсем. Уже сейчас там разбит Александровский сад, главное злачное место, которое доставляет полиции множество хлопот.

– В каком смысле?

– Да в самом прямом. Сад большой, стоит в чистом поле. Одним концом он примыкает к окраине Нахичевани, и поэтому там более-менее порядок. Хотя бы есть освещение. А с другой стороны не так. До ближайших улиц Ростова – триста саженей. И ни одного фонаря. А развлечения в саду длятся до часу ночи. Артистки, певички, номера всякие – народ валом валит, отбоя нет. Потом представление заканчивается, надо домой собираться. А к этому времени с востока на охоту выходят нахичеванские банды, с запада – ростовские. Ну и глушат всех подряд. Не успел обыватель дойти до трамвая, ему уж по башке стукнули. Чуть не каждую ночь ограбления, есть раненые и даже убитые. Мы просим управу или раньше закрывать сад, или поставить вокруг фонари. Пока без толку.

– Значит, банды есть в обоих городах?

– А где их нет? – удивился вопросу начальник сыскной части. – Везде они, и у нас, разумеется, тоже.

– Если Нахичевань армянский, то и главные преступники там армяне?

– Армян там шестьдесят процентов. Преступления у них чистые, без насилия и крови. Очень любят, например, деньги подделывать или векселя. Да так, что от настоящих не отличишь. Вот только вчера мы арестовали Христофора Мартиросова и нашли у него в квартире четыреста фальшивых монет рублевого достоинства. Но это редкий случай, чаще подделывают банковские билеты. Еще всякие махинации производят, ловкачество и аферизм. Преступления их требуют ума и особой сноровки, далекой от навыков рядовых грабителей. Слышали, наверное, про «нахичеванские деньги»?

– Как не слышать, – кивнул Лыков. – Каждый год в столице вылавливаем по тюку фальшивых банкнот. И какого качества работа! Мастера. А другие виды злодейств?

– Есть и они, – подтвердил Блажков. – Контрабанда, например. А еще тут высочайшего класса шниферы, любого медведя возьмут на лапу⁵. Мойщики живут, которые пассажиров в поездах обкрадывают. Но у нас с этой публикой нет никаких хлопот. Они ребята тихие, работают на выезде, а по месту прописки не гадают. Мы их знаем, конечно, но не трогаем, потому как не за что.

Остальное население – это русские, греки и евреи. Греки с евреями близки к армянам, любят чистые преступления, без насилия. В банях Фрумы Шварц в Девятнадцатой линии, к примеру, выделывают дипломы фармацевтов, чтобы жить за чертой оседлости. Наши же не такие. В последнее время

⁵ Взять медведя на лапу – взломать сейф (*жарг.*).

они дают армянам прикурить. Новые поселки – Берберовка, Кирилловский и Ясная Поляна – почти сплошь русские. Народ там злой. Живут главным образом рабочие: с кирпичных заводов, с «Акса» и береговые. Последние – особый тип пролетария, какой не снился социал-демократам. Полууголовный, короче говоря. Особняком стоит Берберовка: что ни дом, то притон. Селят без прописки даже беглых. Хранят краденое. Сами воруют будь здоров. Подпольная торговля водкой процветает. Молодежь сбивается в банды и шарит по округе. Дерутся с армянскими сверстниками за то, кому где грабить.

– А те что?

– Те не сдаются, там тоже народ боевитый. Поперечные улицы в Нахичевани называются линиями. Всего таких линий сорок. Последние, самые восточные, именуются Горячий край, и полиция туда не суется. Страшно. Пьянство, хулиганство, мордобой; могут и прирезать сгоряча. Хуже только в Богатыновке, но мы до нее еще доберемся.

Начальник сыскной части перевел дух и продолжил:

– Так вот, в старой Нахичевани правят как раз армяне. А вдоль границы, там, где поселки и заводы – кожевенные, деревообделочные, – там наши. И ничего. Живут бок о бок, иногда, конечно, ссорятся. Но если кто чужой придет, сразу объединяются и изгоняют чужаков.

– А чужие появляются?

– В пятом году, как началась на Кавказе армяно-татарская

резня, в Нахичевань приехали дашнаки. Много, чуть не двадцать боевиков. И решили они обложить здешних богатеев данью на нужды, так сказать, освободительной борьбы. Кто не даст, того, мол, зарежем – по всему Кавказу был такой обычай.

– Знаю, – поддакнул Лыков. – Я в Тифлисе из-за этих дашнаков чуть головы не лишился. Смелые!

– Не то слово. И тут решили поживиться, не разобравшись, что к чему.

– Прогорели?

– Еще как. Не учли, что здесь народ лихой, никому не платит, а, наоборот, норовит отобрать! У каждого богатого армянина имеется охрана из родни, что помоложе. В случае нужды они еще объявляют мобилизацию, и тогда счет бойцам идет о-го-го. Короче говоря, стали мы находить всюду зарезанных чернявых ребят, по виду приезжих. То под плотами Максимова сразу двоих, это напротив лесной биржи. То на рыбоспетных заводах⁶ – армяне держат их на левом берегу Дона. А то в известковом карьере в Кизитиринской балке. Человек десять нашли. Это все были дашнаки.

– Так их и прогнали?

– Ага. После чего снова начали резать друг дружку. А на севере, между Степной площадью и полотном железной дороги, что делается – словами не описать!

⁶ Рыбоспетный завод – завод, на котором пойманную речную рыбу спеят, то есть просаливают и сушат.

– Это в Собачьем хуторе? – уточнил Липко и пояснил Лыкову: – Есть такое место, самовольно застроенное.

– И в Собачьем хуторе, и за хлебными ссыпками, и вокруг станции Нахичевань-Донская полицейского надзора считай что нет. Слева бойни, справа свалки, а между ними вавилон. Землянки, саманные дома с тайниками для слама⁷, постоянные дворы без патента, «малины» для налетчиков...

– А почему вы это допустили? – нахмурился питерец.

– Потому – сил не хватает. А как понаедут в навигацию шестьдесят тысяч пришлых, хоть со службы увольняйся. Шестьдесят тысяч! А у меня в отделении девять человек вместе со мной.

– Что за пришлые?

– Это особенность здешних мест, – опять влез с пояснениями полицмейстер. – Дон мелеет, особенно в дельте. Да и Таганрогский залив не позволяет плавать там настоящим морским судам. А обороты через наш порт идут огромные, особенно когда продают за границу хлебные продукты. А еще есть уголь, железо, шерсть. И приходится перегружать товары, иногда по два раза. Сначала с верховьев Дона их везут баржами и коломенками. Здесь переваливают на мелкоячейные трамбаки, полубарки и досчаники и пробиваются сквозь гирло Дона в Азовское море. Тащатся за сто верст до Мариуполя, где уже помещают товар на морские пароходы. Для всех подобных работ требуется много временного народа, на

⁷ Слам – воровская добыча (*жарг.*).

сезон. А среди них, как водится, есть и отчаянные.

– Понятно, – вздохнул коллежский советник. – По Нахичевани у вас все, Яков Николаевич?

– Нет, Алексей Николаевич, есть новые интересные сведения, – спокойно ответил Блажков.

– Валяйте.

– В городе появилась банда. Называет себя Чертов отряд. Состоит из беглых стодесятников.

Лыков ругнулся. Только этого не хватало! Стодесятники были новым явлением в русском преступном мире. Так называли военных, осужденных за преступления по службе согласно пункту 11 °Свода военных постановлений. В основном это были бунтовщики, замешанные в восстаниях последних двух лет. Счет им шел на тысячи, бывшие солдаты наводнили тюрьмы Сибири и Забайкалья, где схлестнулись с «иванами». Крупные преступники десятилетиями терроризировали каторжную шпанку, рядовых арестантов: отбирали еду и деньги, заставляли отрабатывать вместо себя тяжелые уроки⁸. Кто противился, того убивали. И вдруг в бараках появились новые люди, сплоченные, не желающие подчиняться «иванам», и их стало много. Началась кровавая война, с потерями с обеих сторон. А когда стодесятники начали массово бежать с каторги, в городах на их пути резко выросло количество преступлений против личности.

– М-да... Состав банды известен?

⁸ Урок – заданный объем работ.

– В общих чертах.

– Доложите. Сколько хоть их?

– С десяток, точное число пока непонятно.

– Откуда они свалились? Кто главарь?

Блажков впервые заглянул в бумаги:

– Какой-то Прокопий Цецохо. Я навел справку: он служил в Воронежском дисциплинарном батальоне, когда там произошёл бунт. Как заводила получил десять лет каторги, откуда и сбежал в марте. Теперь, значит, до нас добрался, сволочь.

– А другие?

– Банда разномастная, всякой твари по паре. Есть двое или трое русских, пара греков и армяне в придачу. Так что они со всеми могут договориться. А ещё бывшие солдаты, знают, за какой конец держать винтовку. Плохо наше дело...

– И греки есть? – оживился Лыков. У него появилась одна мысль.

– Точно так. Даже фамилии известны: один Папаяниди, а второй Добудогло. Нездешние. Говорят, что родом не то из Мариуполя, не то из Ейского укрепления.

– Внутреннюю агентуру на этот Чертов отряд вы уже ориентировали?

– Так точно. Агентура и сообщила общие сведения. Но только общие. Местоположение банды пока установить не удалось.

– А на что они живут?

– Пришли уже с деньгами, где-то по дороге хорошо хапнули. Но скоро сорга кончится, начнут хищничать. Надо бы их до этого взять.

– А почему я слышу об этом в первый раз? – неожиданно возмутился Липко. – Вы, господин коллежский регистратор, должны были давно мне об этом доложить! А то приезжаем человеку как на духу, а собственному начальству молчок.

Обида полицмейстера была ребяческой, но имела серьезный подтекст. Тот намекал подчиненному, чтобы тот поменьше сообщал чужаку о положении дел. Поэтому Лыков сменил тему разговора:

– Яков Николаевич, давайте теперь про Ростов. Он в пять раз больше Нахичевани, как сообщил господин полицмейстер. Преступников здесь тоже больше в разы?

Блажков выслушал выговор от начальства с равнодушным видом. А на вопрос питерца ответил:

– Точную цифру вам никто не скажет, но, конечно, уголовных в Ростове тьма. И все из-за его положения. Мы же базис для снабжения всех окрестных местностей.

– Поясните.

– Сию минуту. В Ростове пересекаются сразу три железные дороги: Юго-Восточная, Владикавказская и Екатерининская. Плюс речной порт, почти не уступающий Одессе. В городе расположены оптовые склады, питающие Передний Кавказ, Кубанскую и Донскую области, Крым. Посмотрите, сколько здесь банков и иностранных консулов. То есть Ро-

стов набит богатствами. А где ценности, там и воры. Каждый день в порту что-то пропадает. На станциях железных дорог тащат целыми вагонами, и никакая стража ничего не может сделать. Ее или купят, или зарежут; люди предпочитают деньги, а не смерть ради хозяйских товаров. А главное, в этом участвуют тысячи. Буквально все, чья работа связана с транспортировкой. Возьмите Затемерницкое поселение. Там вокзал, огромные мастерские, склады, пакгаузы, много грузов сложено под открытым небом. Воруют все жители поголовно! От носака⁹ до начальника путевой дистанции. А Ростов-пристань в порту? Как в худое решето все утекает.

– И что тащат?

– Мануфактуру, обувь, кожи калмыцкой сдирки¹⁰ – все, что можно продать из рук в руки. Недавно умыкнули десять швейных машин «Зингер».

– Нашли, кто умыкнул?

– Ищем. А еще есть воровство по квартирам, карманные кражи. К чему я веду? В Ростове среди жулья гуляют приличные суммы. Значит, есть и предложение на эти деньги: шулера, барыги, подпольные бордели, тайные гостиницы для преступников со всеми мыслимыми удобствами.

– Получается, главные люди в криминальном Ростове – воры?

– Да, как и везде. Деньги-то у них.

⁹ Носак – крючник, станционный или береговой грузчик.

¹⁰ Кожи калмыцкой сдирки – хорошо очищенные дорогие кожи.

– А более серьезные господа?

– Это кто, вентерюшники?

Лыков удивился:

– Какие вентерюшники?

– Так по-здешнему называют налетчиков, – пояснил Липко.

– А... Ну, что скажете про них, Яков Николаевич?

– Такого добра навалом, – продолжил главный сыщик. – Вот вчера ехал по Шестой улице вагон электрического трамвая. Возле Братского переулкa вошли трое, оттянули ролик с провода. Электричество потухло, вагон остановился. Так они вынули револьверы, сдернули в темноте с кондуктора сумку с выручкой и спокойно удалились.

– Несерьезно как-то. Мелковато. Сколько отняли, пару червонцев?

– Три с мелочью. Извольте дело покрупнее. На той неделе экспроприировали кондитерскую Филиппова, одну из лучших в городе. К управляющему ворвались семеро, опять с револьверами. А он как раз получил дневную выручку – пятьсот рублей. Отобрали, положили на порог фитильную бомбу и скрылись. Или вот вчера напали на квартиру одного бухгалтера. И человек-то небогатый, чего они к нему влезли? Часы взяли да денег семь целковых. А уходя, выкололи жертве глаза, чтобы не смог их опознать.

– Вот твари... – поежился питерец. – Ну а самые страшные преступления, то есть убийства? Часто в Ростове гибнут

люди?

– Увы, – вздохнул ростовец. – Сами знаете, как изменились нравы. Раньше верховодили воры, а убийцы шли невысоко. Зачем злить полицию, лить кровь, когда можно деньги взять, а жизнь оставить? Убивали единицы, они все были наперечет, и мы их быстро находили...

Лыков согласно кивнул. Яков Николаевич продолжил:

– Теперь не то. С этой революцией все как с цепи сорвались. Любой молокосос запасся револьвером и пускает его в ход при первом же случае. Сегодня в Ростове, как и по всей России, человеческая жизнь ничего не стоит.

– Понятно. Где у вас всего опасней? В Петербурге знают про Богатыновку, которую вы недавно упоминали. Страшнее-де места нет.

– Нехорошая улица, – подтвердил коллежский регистратор. – Туда просто так не войдешь. А вошел – можешь и не выйти. Дворы-притоны тянутся сплошной полосой. В каждом своя банда. Есть подземные ходы, тайники с награбленным добром... Жители на службе у криминала, поэтому обласы бесполезны. И агентуру не заведешь: узнают – прикончат. Ну и что? Как будто в Нахаловке по-другому! На Шестую улицу – помните, где вагон остановили? – вообще лучше не соваться: голову снимут.

– У вас тоже есть Нахаловка? Я знаю такую слободу в Тифлисе.

– У нас своя. В официальных бумагах она зовется более

благозвучно: Новое поселение. Возникла слобода в результате самозахвата городских земель, это у нас обычное явление. Так родились Собачий хутор и Богатый источник, он же Богатыновка. В последнее время Нахаловку стараются узаконить. Те дома, что можно снести, убрали. Проложили кое-где регулярные улицы. Но большую часть хибар трогать нельзя, иначе их обитатели возмутятся за топоры. И вот уже тридцать лет они стоят. Живут в таких трущобах люди несчастные, готовые на все. Порядку, власти они враги, а злу сообщники. И как быть? Куда их денешь? Не отправишь же всех в Сибирь. Или взять Затемерницкое поселение. Не зря оно называлось раньше Бессовестная слободка. Двадцать пять тысяч человек там обитает, но в каких условиях? Ни воды, ни канализации, ни освещения. Школ и больниц тоже нет. А еще называют нас Чикаго! Мы Шанхай, а не Чикаго... Вон с Донского бульвара убрали полицейский пост, и что? Теперь пройти нельзя, середь бела дня грабят. Это в лучшей части города! А Лягушовка, Олимпиядовка, Забалка? Даже я туда ходить боюсь. Один лишь Петр Англиченков, который и черту хвост накрутит, только он шляется в эти окаянные слободы. И все ему, дураку, сходит с рук.

Блажков сказал это с какой-то доброй усмешкой, и коллежский советник сразу заинтересовался:

– Что за Петр? Ваш надзиратель?

– Да, самый лучший. Силы как у быка, храбрости еще больше, чем силы. Ума бы в придачу, так цены бы парню не

было.

– А пусть он меня поводит по вашим притонам, Яков Николаевич. Хочу увидеть все своими глазами.

– Зачем? – воскликнул Липко.

– Для доклада министру, – отрезал питерец. – Я о том, что не видел сам, докладывать не могу.

Блажков молча ковырял пальцем трещину в столешнице, думал. Потом сказал:

– Попробовать можно. Только с соблюдением всех мер, какие я сочту нужными.

– Разумеется. Чай, и мне не семнадцать лет, понятие имею. А еще дайте мне провести какое-нибудь дознание, до которого у вас самих руки не доходят. Пусть от меня будет польза.

Главный ростовский сыщик насмешливо покосился на гостя и спросил:

– Сами выберете или как?

– Сам.

Пора было заканчивать разговор. Ольга наверняка уже вернулась со своего романтического свидания. Лыков хотел вытащить ее на прогулку: пусть покажет родительский дом, гимназию, где училась, другие памятные места. Сыщик встал и пожал руки коллегам:

– Спасибо, господа. На сегодня хватит, а завтра, не обессудьте, начну надоедать. Вам меня месяц всего терпеть, не так уж и долго.

Глава 4

Просьба Ольги Дмитриевны

Насвистывая что-то легкомысленное, Лыков открыл дверь в номер и осекся. Изнутри слышался тихий плач. Ольга! Коллежский советник ворвался как вихрь:

– Что случилось? Кто тебя обидел?

– Они... они...

Женщина вскрикнула и принялась рыдать с новой силой. Алексей Николаевич протянул ей стакан с водой, и лишь после этого она смогла говорить.

– Я встретила с Аркадием. Он в Николаевской больнице, в хирургическом отделении. Ему... ему выкололи глаза.

– Бандиты? – сразу вспомнил рассказ Блажкова питерец. – Вломились в квартиру, ограбили и напоследок ослепили, чтобы он не смог их опознать?

– Да. Но ты-то откуда знаешь?

– Рассказал сегодня начальник сыскной части. Так это был он, твой друг?

– Алексей! – Оконишникова схватила его за руку. – Найди этих негодяев! Ты сможешь, ты хороший сыщик. Здешние не найдут, да и искать не станут. Прошу, умоляю! Я тебя никогда ни о чем не просила – не откажи мне в этом!

– Да как же я найду? Чужой город, я тут никого не знаю, –

попробовал отговориться Лыков, но всмотрелся в лицо подруги и устыдился. – Хотя... У меня есть право самому брать дознание. Вот его и возьму.

– Спасибо! Теперь им конец, уж я уверена.

– Я зато не уверен, – попытлся предостеречь женщину от завышенных ожиданий коллежский советник. – В гостях, без помощников... За месяц... Да еще при этом ревизию провести... А впрочем, черт с ней, с ревизией. Бумагу я нарисую, лучше или хуже, все равно никто из начальства наши бумаги не читает. Но зато накажу тех, кто людям глаза выкалывает. Больше пользы будет.

Он сел напротив заплаканной подруги и потребовал:

– Рассказывай, что знаешь.

– Аркадий говорил сбивчиво. Он в отчаянии, почти обзвумел. Ах, негодяи!

– Как его зовут и где он служит?

Ольга Дмитриевна отшатнулась:

– Ты уже догадался?

– О чем?!

– Что следы ведут туда, на его службу.

– Ольга! Я задал тебе простые вопросы. Самые первые, с каких следует начать любое дознание. О чем тут можно догадаться?

– Извини, милый, я просто очень верю в твои способности. Итак, его зовут Аркадий Георгиевич Корди. Он служит... впрочем, теперь уже надо говорить «служил» – по-

мощником бухгалтера в Комитете донских гирл.

– Гирла... Или гирлы? Я уже слышал сегодня это слово. Что оно означает? Дельту реки?

– Гирлами называют рукава, которыми Дон впадает в Азовское море. Там есть четыре или пять крупных и много мелких.

– А что за комитет, чем он занимается?

– Точно не знаю.

– Но ты заявила минуту назад, что нападение Аркадий Георгиевич связывает со своей служебной деятельностью. Почему?

– Он сам так сказал.

– Передай слово в слово.

Женщина задумалась.

– М-м... Аркадий произнес буквально следующее: «Они добились своего, теперь меня уволят, и можно красть безнаказанно». Да, именно так.

– Ему могло это показаться. Вовсе не значит, что господин Корди прав. Он в отчаянии, мысли путаются. Но как версия годится, особенно если в его комитете имеются значительные средства. Что еще сказал твой друг? Описал нападавших? Сколько их было, какие особые приметы он успел заметить до того, как... ну, до случившегося несчастья.

– Да. Аркадий особенно упирал на один факт.

– Ну-ка, ну-ка!

– Он забыл сообщить о нем сыскной полиции, а вспомнил,

лишь когда стал рассказывать мне. Бандитов было четверо. Перед уходом, когда... его крепко схватили за руки и сказали: уж теперь ты нас точно не опознаешь. И тот, кто держал, спросил второго, с ножом: мол, для чего слепить, он же так и так запомнил, приметы сообщит. Не лучше ли записать? Не знаю, что это значит, но явно что-то плохое...

– Да, на жаргоне «записать» означает «зарезать». Но продолжай.

– Вот. А тот, с ножом, ответил: Меньшой Царь приказал, не наше дело рассуждать. И... ткнул. Раз и другой.

Ольга опять заплакала. Сыщик кое-как успокоил ее и предложил:

– Едем к нему в больницу. Ты выдержишь? Я могу съездить один.

– Нет, тебе он ничего не скажет. Давай вместе. Погоди минуту, я приведу себя в порядок. Попроси пока вызвать извозчика.

В экипаже Лыков задумчиво произнес:

– Меньшой Царь... Похоже на кличку. Надо будет спросить у Блажкова. Если этот человек отдает приказания, значит, он не рядовой бандит, а маз, главарь шайки. Таких сыщики обычно знают.

Они подъехали к хирургическому корпусу городской больницы, когда уже темнело.

– А нас пустят? – усомнилась Ольга Дмитриевна.

Сыщик даже не стал отвечать, просто толкнул дверь и уве-

ренно прошел внутрь. К нему кинулся какой-то служитель:
– Вы кто такой? Не знаете разве, что посещение больных уже закончено.

– Проведите нас к лишенному зрения больному Корди.
Мужчина отшатнулся:

– Как вы узнали?

Коллежский советник мгновенно повернулся к нему, взял за пуговицу и потребовал:

– Ну-ка, быстро! Что случилось?

– Вы из полиции?

– Быстро, я сказал!

– Лишенный зрения Корди вскрыл себе вены. Истек кровью до смерти.

За спиной Лыкова ахнула Ольга. Он успел ее подхватить и довести до стула.

– Сиди здесь, не ходи со мной. А вы отведите меня туда. Тело не трогали?

Служитель вытянулся по-военному:

– Позвали санитаров, чтобы унесли в покойницкую.

– Отставить! Телефонуйте в сыскную часть Блажкову, скажите, что Лыков просит его срочно прибыть. У входа в палату выставить пост, внутрь никого не пускать.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

Через четверть часа Лыков с Блажковым рассматривали труп несчастного бухгалтера. Тот лежал на кровати в луже крови, рядом валялось скомканное одеяло.

– Похоже, сам... – пробормотал Яков Николаевич.

– Похоже, – согласился питерец. – Как только изловчился на ощупь?

Стоявший рядом врач пояснил:

– Больной попросил воды. Санитар принес. А когда отлучился, Корди разбил стакан и острой кромкой вскрыл себе вены на обеих руках. Накрылся одеялом с головой, никому и невдомек... Когда заметили кровь под ним, было уже поздно.

– Обе руки, и под одеяло... – нахмурился ростовец. – Для такого дела решительность нужна. Совсем жить расхотел... Сволочи, довели человека!

Прибыл судебный следователь, осмотрел труп и выслушал соображения Блажкова. После чего разрешил больничному персоналу отнести тело в прозекторскую. Там врач градоначальства Линдеберг сделал медико-полицейское вскрытие. Оно подтвердило, что Корди покончил с собой без посторонней помощи.

Уже ночью сыщики пришли на Дмитриевскую, 28, в сыскную часть. Оконишникова к этому времени вернулась в гостиницу. Произшедшее надломило ее, Ольга безутешно плакала и в случившемся обвиняла себя. Она сказала Лыкову, что в конце беседы с Аркадием Георгиевичем пообещала выделить ему скромное содержание из собственных средств. Слепой, беспомощный, Корди иначе мог умереть с голоду: пенсии ему не полагалось, а сбережений он не имел.

И эта фраза, сказанная, чтобы утешить несчастного, сильно его уязвила. Гордый и честолюбивый, хоть и неудачник по жизни, Корди почувствовал себя оскорбленным. Поступить на содержание к бывшей возлюбленной! Видимо, это и толкнуло калеку на самоубийство.



В части сыщики налили себе чаю, и Лыков спросил у Блажкова:

– Яков Николаевич, кто такой Меньшой Царь?

Тот отставил стакан:

– Откуда вы про него узнали?

Коллежский советник рассказал, что услышал от своей подруги. Ростовец был поражен:

– Вот как? А мне Корди ничего такого не говорил.

– Вы допрашивали его сразу после произошедшего с ним несчастья. Аркадий Георгиевич еще не отошел от шока, вот и не вспомнил, – пояснил Лыков и добавил: – Я хочу взять дознание себе.

– Берите, – тут же согласился коллежский регистратор. – Вы так и так собирались забрать какое-нибудь дело, вот пусть это и будет. А мы чем сможем, тем поможем. Могу прикрепить к вам в помощь того же Англиченкова.

– Спасибо. Мне понадобится человек из местных, знающий обстановку.

Вдруг Блажков заволновался:

– Только, Алексей Николаич, уговор: Петр ваш, но не на целый день. Никто его от текущих дел не освободит, сами понимаете. А у меня девять человек на два города! Это если считать с письмоводителем...

– Понимаю. Буду отвлекать его от прямых обязанностей по минимуму. А теперь ответьте на мой вопрос.

Яков Николаевич скривился:

– Их трое на нашу голову, и правят эти гады, почитай, во всем Ростове. И даже в округ заглядывают¹¹.

¹¹ Ростов-на-Дону относился к Области Войска Донского, которая делилась не на уезды, а на округа. Поэтому Ростовский округ являлся аналогом Ростовского

– Трое? Ишь наплодились. И что, все цари?

– Точно так. Фамилия у них подходящая – Царевы. Сами казаки, выходцы из станицы Гниловской, что ниже Ростова по реке. Большая станица – более шести тыщ народу в ней живет. Рыбу ловят, камень добывают, муку производят, короче, заняты делом. Даже в Москве гниловская рыба продается. Царевы – род старинный и некогда славный. В Крымскую войну их дед Георгиевский крест получил. А эти... Ни с того ни с сего уродились зверями. У нас издавна по престольным праздникам в Камышевахской балке идут кулачные бои Гниловской станицы против Темерника. Так вот, когда в круг выходили братья, никто драться с ними не хотел – изувечат. Меньшого Царя зовут Антип. Он самый молодой, но и самый злой. Уличные грабежи отдали ему. Шайка у Антипа человек до двадцати, есть гниловские казаки, но больше пришлых. Беглые тоже при нем обретаются, эти наподобие гвардии, для фартовых дел. Квартирует Меньшой Царь где-то в Богатыновке, точный адрес агентура давать боится.

– Ясно. Займусь им в первую очередь. А другие два?

– Средний Царь – имя ему Прохор – отвечает за квартирные кражи, а еще за экспроприации. Там и суммы крупнее, и отвага нужна. Ведь сейчас артельщиков с деньгами охраняют, можно и пулю словить. Ребята у Прошки теплые. Но иногда люди Антипа перебегают им дорогу. Давеча я вам рассказывал про налет на булочную Филиппова, помните?

Это Меньшого Царя работа. Средний брательник, говорят, на него даже обиделся, что тот вторгся в его пределы.

– Среднего Царя оставлю на второе, – пригрозил питерец. – А главный кто?

– Главному кличка Самый Царь. И он действительно самодержец здешних притонов. Лет ему уже за сорок, кличут Григорием, и из трех братьев он умнее всех. Еще его называют ночным градоначальником Ростова. Сообразно уму, Самый Царь занимается только крупными делами. Вот стало известно, что на Владикавказской железной дороге куда-то пропало двести шестьдесят тысяч пудов нефти. Представляете? Убытку на семьдесят тысяч рублей. А каков замах! Надо украсть, спрятать, продать целые эшелоны! Это его рук дело, Григория. Он берет вагонами. Ей-богу, не преувеличиваю. На той неделе на станции Ростов-Товарная исчезли среди бела дня два вагона орешника. Тю-тю! Опять его работа.

– Зачем атаману орешник? – не понял питерец.

Ростовец прыснул и махнул рукой:

– Все забываю, что вы приезжий и говора нашего не знаете. Орешником тут называют мелко колотый антрацит.

– Чтобы воровать в таких масштабах, Цареву-старшему необходимо купить людей из высшего железнодорожного начальства. Без их согласия куда деть тысячи пудов нефти? И как спрятать вагоны угля?

– Вы правы, и он их, конечно, купил. В том и сила Самого Царя: не часы на улице срезает, а летает по верхам. Там

сидят те же воры, только в больших чинах. До которых мне, к примеру, никогда не добраться.

– Ладно, эту дрянь оставляю на сладкое.

Блажков хихикнул и сказал с подковыркой:

– Смею думать, ваше высокоблагородие, что все цари останутся, где были. Вам тут месяц всего прокантоваться – не успеете.

– А давайте на них стодесятников натравим, – предложил коллежский советник.

– Это как?

– А так. Пауки в банке что делают? Истребляют друг дружку. Они все равно столкнутся, двум бандам тут тесно. А солдаты скоро покорят Нахичевань и пойдут походом на Ростов. Пусть воюют, нам меньше хлопот достанется.

– Ну вы загнули... – с сомнением покачал головой коллежский регистратор. – Эдак в книжках бывает, а в жизни нет. Как мы их столкнем?

Тут в коридоре послышался громкий топот, и в комнату ввалился рослый парень атлетического сложения, с веселым и лихим лицом.

– Дядя Яша... – начал он, но увидел незнакомого господина и осекся.

– Знакомьтесь, Алексей Николаевич, – подобревшим голосом сказал заведывающий частью. – Это Англиченков, лучший мой сотрудник и большой обалдуй.

– Чего вы меня такставляете, Яков Николаич, – сделал

тот вид, что обиделся. Чувствовалось, что эти двое живут душа в душу и понимают друг друга с полуслова. – Что обо мне подумает... э-э...

– Не «э-э», а коллежский советник Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции, – с такой же наигранной строгостью ответил Блажков. – А думать об тебе он станет в зависимости от твоего поведения.

– Это в каком таком смысле? Я что, в разряде испытуемых?

Лыков протянул вошедшему руку.

– Позвольте представиться: Алексей Николаевич. А вас как?

– Сыскной надзиратель не имеющий чина Англиченков Петр Павлович.

Он напомнил Лыкову самого себя в молодости: уверенный, сильный и всегда готовый рассмеяться. Еще начальник хвалил его храбрость. Это легко проверить в деле...

– Садись и слушай, что узнал сегодня господин командированный, – приказал Блажков.

Петр взял стакан и пристроился у окошка. Он внимательно выслушал рассказ питерца про нападение на бухгалтера и сразу стал рассуждать:

– Непонятно. Зачем выкалывать человеку глаза? Да еще имя главаря вслух называть. А они это не нарочно, чтобы нас запутать?

Обалдуй, а соображает, подумал Алексей Николаевич. И

ответил так:

– Имя бандиты назвали не от большого ума, это я допускаю. Они Пажеский корпус не кончали. А вот ослеплять человека действительно нелогично. Он их видел, может описать по памяти. И потом, рядовой гранд¹², и добыча копеечная. Зачем отягощать свою вину? Или зарезали бы вчистую, или ограничились бы грабежом. А такое я встречаю впервые. Что-то тут в самом деле не клеится. Выдвигаю версию...

Ростовские сыщики встрепнулись.

– Увечье бухгалтеру нанесли, чтобы лишить его места в комитете. Кстати, что это за лавочка?

– Комитет донских гирл – штука серьезная, – сообщил заведывающий частью. – Он создан лет сорок тому назад. Задача – обеспечить проход судов через рукава Дона в Азовское море. У комитета собственные землечерпалки, пароходы, лоцманский пост в дельте, свои баканщики¹³. И значительные капиталы – они состояются из специального гирлового сбора, который взимают с пароходов.

– Много там денег крутится?

– Сотни тысяч рублей. А чтобы узнать точно, надо идти туда и смотреть их балансы.

Лыков приосанился:

– Ну вот, вписывается в мою версию. Сотни тысяч рублей – это большой ломоть. Корди сказал госпоже Оконишничко-

¹² Гранд – грабеж (жарг.).

¹³ Так говорили и писали в то время.

вой, что он мешал «им» воровать. Им – то есть служащим комитета. И те решили убрать неудобного человека. Подослали бандитов, вроде как рядовой налет. Те выполнили заказ.

– Но почему оставили в живых? – засомневался Англиченков. – Надежнее было бы списать.

– Чтобы мы с тобой не слишком старались, – ответил ему Блажков. – За погубленную душу, сам знаешь, спрашивают строго. А тут покалечили, но не убили. Откроем дознание, через полгода по-тихому закроем, а дело в архив. Но тут, вишь, приехал ревизор из Петербурга...

– Да, на это ребята не рассчитывали, – хмыкнул надзиратель. – Алексей Николаевич! А возьмем их за пищик! Я давно на гниду Меньшого Царя зуб точу.

– Ты слушай дальше, что предлагает его высокоблагородие, – хлопнул ладонью по столу коллежский регистратор. – Он хочет всех «царей» разом пришибить.

– Каким образом?

– А натравить на них Чертов отряд, что окопался в Нахичевани.

Петр, несмотря на свой ухарский вид, соображал быстро:

– Как пауков в одну банку?

– Ага.

– Легко сказать, да трудно сделать.

– Вот Алексей Николаич сейчас нам и расскажет, а мы послушаем, – скептически заявил Яков Николаевич.

Лыков не обиделся, а стал излагать:

– У меня есть помощник, титулярный советник Азвестопуло. Он грек. А еще храбрый, артистичный – то, что нужно. Титулярного, кстати, получил недавно, не в очередь, за отличие. С риском для жизни спас от взрыва террористами артиллерийские склады в Казани...¹⁴

– Так. Есть грек, полицейский чиновник. Вы хотите его в банду запустить, так я понял? – с прежним скептицизмом прокомментировал Блажков.

– Правильно поняли. Азвестопуло такое не впервой, он уже был «демоном»¹⁵. У него здорово получается.

– А почему вы решили, что Чертов отряд его примет? Там штрафованные солдаты, они чужого не возьмут.

– Возьмут, если он докажет им свою полезность, – возразил Алексей Николаевич.

– И в чем будет та полезность?

– Азвестопуло представится им как бомбист.

– Бомбист? – удивились ростовцы.

– Да. Я нарочно послал его в Артиллерийскую академию изучать взрывное дело. Сейчас Сергей Манолович в родной Одессе и тоже внедрен в банду. Ребята готовят покушение... Ну, это секрет. Со дня на день их возьмут с поличным, а бомбист будто бы вовремя сбежит. Сюда, в Ростов.

– А ведь можно попробовать, – осторожно сказал Англи-

¹⁴ См. книгу «По остывшим следам».

¹⁵ «Демон» – агент полиции, внедренный в преступную среду.

ченков, глядя на начальника.

Тот ответил:

– Можно. Если руководство разрешит.

– То есть Липко? – уточнил питерец.

– Да. Но он на себя не возьмет и обратится к Зворыкину.

– Начальники не дадут разрешения, – категорично заявил надзиратель.

Лыков перевел взгляд на Блажкова, тот кивнул:

– Конечно, не дадут. Зачем им рисковать? Вдруг что-то пойдет не так, а они дозволили...

– Но как же начальство собирается бороться с преступностью, ничем не рискуя?

– Очень просто, – отрезал коллежский регистратор. – Прикажут мне, а я вертись... В случае чего виноватый всегда найдется: Блажков.

– Яков Николаевич, давайте в этот раз сделаем все сами, – предложил коллежский советник. – Обойдемся без санкции руководства.

– Узнают – со службы выкинут. Вы это понимаете?

– Так уж и выкинут! – запротестовал Англиченков. – Кто тогда будет жуликов ловить?

– А вот тебя поставят, ты и будешь, – съязвил начальник.

– Уволить не уволят, а в должности понизить могут, – рассудительно заметил Лыков. – Неприятно, согласен. Меня тоже в прошлом году с чином прокатали ни за что.

– Вот! А вы мне такое предлагаете...

– Предлагаю, Яков Николаевич. Потому как вижу, с кем имею дело.

– Это с кем же?

– С порядочным человеком. Который служит не для проформы, а за совесть. Так и так на вас повесят, верно подметили. С моей ли операцией, без нее ли – отдуваться главному сыщику. Но неужели вам не хочется дать вора за уши? Такую, чтобы до печенок проняло. Я-то уеду, я человек нездешний. А вы? Вот шанс почистить Ростов. Полицмейстеру предлагать такое смешно, он служит за жалованье и всего боится. Вы из другого теста. Ну? Решайте.

Блажков мялся. Лыков ходил по комнате и не торопил его. Коллежский регистратор договаривался со своей совестью, тут нельзя было торопить. Наконец Яков Николаевич нехотя произнес:

– Ну, попробовать можно. Не каждый день в Ростов приезжает такой гоношистый ревизор.

– То есть решаем сами, без китайских мандаринов?

– Я согласие даю. Но оставляю за собой право сообщить по команде, когда сочту нужным. Тогда уж на усмотрение начальства.

Англиченков облегченно выдохнул и принялся мечтать:

– Рассассируем «царей», и начнется в городе хорошая жизнь! Я тогда сразу женюсь.

– Если стодесятники перебыют «царей», то сядут на их место, – осадил его Яков Николаевич.

– Как они сядут, если у них в банде будет наш агент? Открутим им головы, и тогда точно женюсь.

Все посмеялись, и Лыков подвел итоги ночного совещания:

– Петр Павлович, вы теперь прикреплены ко мне, для содействия. Будем вместе дознавать дело о нанесении увечий личному почетному гражданину Корди. Поручаю вам секретно собрать сведения о кадре Комитета донских гирл: есть ли игроки, или замешанные в мошенничестве, или недоброжелатели покойного.

– Слушаюсь.

– Яков Николаевич, вас попрошу мобилизовать агентуру. Нужно знать весь состав Чертова отряда. Почему они объявились именно в Нахичевани? Весьма вероятно, что у кого-то из них есть там родственники. Которые примут на первых порах и помогут освоиться, а потом станут наводчиками.

– Постараюсь.

– Будьте добры. Узнаем этих укрывателей и подошлем к ним Азвестопуло.

– А вы сами чем сейчас займетесь?

– Я завтра пойду в комитет и начну его потрошить.

Блажков с сомнением покачал головой:

– Это не понравится Елпидифору Трофимовичу.

– Что за гусь?

– Парамонов его фамилия. Председатель комитета, а еще хозяин паровой мельницы, чуть не самой большой в импе-

рии. Миллионщик, гласный городской Думы и очень влиятельный человек. Он вас, извините, в бараний рог согнет.

– Миллионщик? Тогда он у меня первый на подозрении. Эти богачи уже краев не видят, думают, что весь мир для них одних сделан. А за три рубля убить готовы...

– Парамонов не такой. Он благотворитель, богобоязненный человек. И чего ему в комитете воровать? Там суммы скромные, у него мельница много больше дает. А еще есть собственный флот, угольные шахты – у-у...

– Благотворитель? – нахмурился Лыков. – Точно он. Главный жулик – Парамонов, готов поспорить на ведро водки.

Коллежский советник с коллежским регистратором ударили по рукам, а не имеющий чина разбил. После этого Лыков ушел в гостиницу, а местные сыщики сели писать отчеты.

Глава 5

Особенности судоходства на Дону

Утро следующего дня Алексей Николаевич потратил на разговоры с Ольгой. Она была благодарна сыщику, что тот взялся исполнить ее просьбу. Но теперь началось официальное дознание, и в нем не было места пристрастности или жажде мести. Поэтому Оконишниковой лучше следовало бы вернуться в Петербург, чтобы оказаться в стороне от дела. Здесь она лишь помешала бы.

Оконишникова сначала пыталась остаться, чтобы помочь своему другу ориентироваться в незнакомом городе. Однако Лыков ответил, что местные сыщики сделают это лучше. Тогда Ольга обиделась. Дознание касалось и ее лично, как она могла уехать? Лыков парировал: твои попытки влиять только повредят. Ты свое сделала, сообщила полиции важные сведения. Дальше не мешай. В итоге они поссорились, а потом помирились. Как полагается у умных людей, было принято компромиссное решение: Ольга останется в Ростове еще на три дня, после чего уедет. Эти три дня она хотела использовать по полной и не отпускать своего спутника ни на шаг. Лыков согласился пожертвовать вечерами и протянул ей свежий номер «Южного телеграфа».

– Выбирай, куда пойдем сегодня, а мне пора. Вернусь к

обеду, там и решим. Мне нравится программа в Александровском саду: выступает «Дамская гвардия». Сказано, что всемирно известная, но это явное преувеличение.

– Какая еще гвардия? – удивилась Ольга Дмитриевна.

– Да почитай, там все написано. Красавицы сестры Ростельбиндер, пять штук, одна лучше другой.

– Нахал!

– А еще знаменитый жонглер-молния Ли-Бело, известные музыкальные клоуны Лорас, русская этуаль Дорина и комики-эксцентрики Кабанис. Обещают, что будет весело.

– Не хочу в Александровский сад, пойдем лучше в театр.

– Запросто. Вот про театр Машонкина. Там с успехом прошел фарс «У вас есть что предъявить». Текст полон скабрёзностей. Публике особенно понравился костюм одной из актрис, которая вышла на сцену в полупрозрачной десу¹⁶.

– А нет ничего более камерного? – возмущенно спросила Ольга.

– В театре «Буфф» выступает спорт-субретка мадемуазель Лоттенбах. Ты не знаешь, кто такая спорт-субретка?

– Наверяд ли что-нибудь приличное.

– На тебя не угодишь. Вот интересное зрелище! Биофон. То же самое, что синематограф, но с добавлением фонографа. Газета пишет, что это дает возможность смотреть и слушать целые оперы.

– Годится, – обрадовалась Оконишникова. – А какую из

¹⁶ Десу – нижняя юбка.

опер показывают в биофоне сегодня?

– Сегодня, дорогая, там показывают матчиш¹⁷ с пением. Уточняют, что весьма неприличный.

– Да что же за гадости ты находишь в этих газетах! Нарочно выбираешь? И все с такими ухмылками.

– Это твой город так на меня действует, – стал оправдываться сыщик. – Ну, что решила? Не сидеть же в гостинице.

– Выбираю из всех зол наименьшее. Пошли в сад, к жонглерам и клоунам.

– Хорошо, дорогая. Я направляюсь к градоначальнику, а ты пока займи себя сама. В четыре часа обедаем, потом гуляем по городу, а вечером – в Александровский сад. Блажков говорил, там по ночам шалят, но мы с тобой люди смелые, отобьемся.

Коллежский советник пришел к Зворыкину и попросил его устроить одно дело. Питерцу нужно было, чтобы его приняли в Комитете донских гирл и объяснили, как там все устроено. А потом показали бы бухгалтерию.

– Но для чего вам это? – удивился градоначальник.

– Следы одного из преступлений ведут туда.

– Ну и что? Вы-то тут при чем? Пусть дознает ростовская полиция, с них я и спрошу. Ваше дело – общая ревизия, а не конкретное дознание.

– Иван Николаевич, мы же с вами вчера договорились. Я

¹⁷ Матчиш – модный в то время танец, считавшийся неприличным и поэтому полузапрещенный в России.

сам выбираю себе направление ревизии. Вот, решил на пробу копнуть одно дело. С Липко и Блажковым мы это уже согласовали.

Полковник недовольно покачал головой и попросил секретаря соединить его с Парамоновым. Мембрана в телефоне была такой, что Лыков слышал ответы мукомола.

– Елпидифор Трофимович, добрый день. К нам приехал ревизор из Петербурга, коллежский советник Лыков. Просит показать ему ваш комитет.

– Он из Министерства торговли и промышленности? Это хорошо, нам нужна там поддержка. Пусть приходит, все покажем, а вечером и в ресторан.

– Нет, Лыков не оттуда. Он от Столыпина.

– Хм... И какое отношение ваш ревизор имеет к донским гирлам?

– Вроде не имеет, а вот интересуется. Я не могу ему отказать.

– Ищейка из полиции? К черту его! Сейчас в ход пошел прохвост...

Градоначальник виновато покосился на сыщика и продолжил:

– Я вас очень прошу. Боюсь, в столице копают под Даниила Васильевича. Не иначе, место его кому-то приглянулось. Лыков – наш союзник в этом вопросе.

– Ну, если нужно помочь Драчевскому... Ладно. Пусть приходит к Кузьмину, я распоряжусь, чтобы тот ответил на

все вопросы вашего соглядатая.

– Спасибо, Елпидифор Трофимович!

Полковник положил трубку и сказал:

– Уф. Трудно с этими миллионщиками.

– Избаловали вы их. В Петербурге рывкнули бы, и весь разговор.

– Тут есть специфика, – уклончиво возразил градоначальник. – Езжайте теперь к реке. Посреди Береговой улицы отыщете корпус комитета, он в два этажа. В здании конторы вас будет ждать Роман Федорович Кузьмин. Это управляющий пароходством и хозяйством, сведущий человек и старательный работник. На нем все и держится, поскольку самому Пармонову вечно некогда. Он даст нужные разъяснения.

Командированный поблагодарил и откланялся. Через полчаса он уже сидел в тесном кабинете Кузьмина, окнами на Дон, и беседовал с хозяином. Разговор затянулся надолго. Несколько раз он принимал такой оборот, что управляющий хозяйством вскакивал и начинал бегать вокруг стола. Особенно ему не понравились обвинения членов комитета в хищениях. А тем более подозрения, что именно они натравили бандитов на помощника бухгалтера Корди. Но все же сыщик получил представление о роли гирлового комитета в организации донского судоходства. Лекция была очень интересной, Роман Федорович оказался весьма компетентным человеком. Теперь питерцу предстояло осмыслить полученные сведения и решить, за какую ниточку тянуть.

Дон берет свое начало в Епифаньевском уезде Тульской губернии и протекает по Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерниям, а на территории Области Войска Донского впадает в Азовское море. В двадцати верстах выше Ростова за станицей Александровской река разделяется на два рукава, из которых левый судоходный, а правый – мелководный. Там, где оба рукава сходятся, и стоит город Ростов-на-Дону. Он тянется на три с половиной версты вдоль реки. Сразу за станицей Гниловской Дон отделяет от себя первый большой из низовых рукавов – Мертвый Донец. Затем, ближе к морю, он разделяется на множество других, соединенных между собой ериками и протоками, и достигает Таганрогского залива. Рукава эти и называются донскими гирлами. Дельта Дона напоминает по форме равнобедренный треугольник, площадь которого – триста квадратных верст!

Главные рукава дельты – это уже упомянутый Мертвый Донец, а еще Переволока (иначе Кривая Кутюрма), Егурча, Каланча и Старый Дон. Из них Егурча с Каланчой судоходны лишь отчасти: по ним поднимаются со стороны моря пустопорожние суда. Старый Дон и Мертвый Донец мелководны даже для порожняка. Первый был прежде главным и самым удобным гирлом. Но в 1740 году турки при сдаче Азова искусственно засорили его, а затем процесс обмеления шел естественным путем. В Крымскую войну уже русские затопили баржи в других руслах, чтобы не дать десантам противника подняться вверх. В итоге из всех донских рукавов по-

настоящему судоходна одна лишь Переволока.

Чтобы попасть в нее, судно, идущее из Ростова, сначала спускается по Дону, вблизи станицы Елизаровской входит в Каланчу, затем у хутора Рогожкина сворачивает в Кутюрму и плывет по ней до Переволочного ерика, где и вступает наконец в Переволоку. В результате этих метаний судно вынуждено проходить до моря пятьдесят верст, а по прямой было бы всего тридцать пять.

Но и Переволока не всегда бывает проходимой, ее глубина зависит от направления ветра. Когда дует верховка, восточный ветер, то Дон сильно мелеет, и судам приходится ждать прилива. А при низовке, западном ветре, воды нагоняется столько, что она затопляет низкий левый берег.

Между тем речной путь самый дешевый, и никакие рельсы его не заменят. Дон – главная артерия юго-востока России. В 1861 году Волго-Донская железная дорога соединила две реки в самом узком месте, где расстояние между ними всего семьдесят верст. И волжские товары тоже хлынули через гирла за границу. Нагрузка на Дон выросла, но воды в нем больше не стало. А разработка рукавов в последний раз производилась при Петре Первом сто пятьдесят лет назад...

В результате в 1865 году был высочайше утвержден Комитет для очистки и содержания в исправности донских гирл. Задачами его были объявлены «расчистка гирл, поддержание их в удобном для прохода судов состоянии и наблюдение за самым проходом судов, в видах установления пра-

вильного в этом отношении порядка». В 1907 году деятельности комитета шел сорок третий год. Созданный почти без участия государства комитет являлся как бы общественным учреждением. Судохозяева и товаровладельцы платили ему гирловой сбор: первые по 1 рублю с каждой 1000 пудов грузовой вместительности, а вторые – по 5/16 процента со стоимости грузов. Сбор взимался на добровольной основе. На эти средства были закуплены ледокольный буксир, два колесных парохода, три паровых катера, паровая шлюпка и три землечерпальных машины. Машинам помогали землеотвозные шаланды, которые доставляли выбранный со дна грунт на берег. Восемь из них вмещали по десять кубических саженей земли, четыре – по тринадцать, и три самых больших – по двадцать кубических саженей.

Еще комитету принадлежали полицейско-лоцманский пост на острове Перебойный и маячное судно у входа в канал со стороны моря. На острове размещались метеостанция, телеграф, станция беспроволочного телеграфа системы профессора Попова, две створных башни, кузница, казарма и жилые помещения. В самом Ростове у железнодорожного моста стояла на приколе спусковая баржа, на которой вывешивали флаг. Он показывал обстановку в гирлах: белый – вода прибывает, красный – падает. Отсутствие флага означало, что вода держится на одном уровне. Три раза в день начальник поста сообщал телеграфом в Ростов промеры глубины судоходного канала. Для города это были важнейшие

сведения: их тут же печатали в местных газетах, объявляли в порту и на бирже.

В центре города, на набережной комитету принадлежал двор с конторой, мастерскими и магазином. Учреждение вело большую деятельность и, в частности, содержало триста с лишним наемных работников. Это были экипажи судов, баканщики, сторожа-зимовщики, шаландеры, багермейстеры землечерпальных машин, фонарщики, масленщики и прочие необходимые люди. Отдельно шло руководство комитета, насчитывающее всего восемь человек; в него по должности помощника бухгалтера входил и покойный Корди.

Управляли комитетом выборные члены. Парамонов был избран от Ростовского-на-Дону комитета торговли и мануфактур. Еще имелись представители от таких же комитетов Нахичевани и Таганрога, от купечества, платящего гирловой сбор, и от судовладельцев. Членом по назначению, без права голоса, состоял чиновник – инженер путей сообщения; он проверял, чтобы работы велись строго по утвержденным проектам. Реально в текущую деятельность Кузьмина и его канцелярии никто не вмешивался. Парамонов лишь подписывал важнейшие бумаги и представлял.

Алексей Николаевич потребовал показать ему платежную ведомость, а увидев ее, присвистнул. Ничего себе! Сам Роман Федорович получал в год четыре с половиной тысячи рублей, и это без наградных. Не каждый директор департамента в Петербурге мог похвастаться таким окладом. На-

чальник полицейско-лоцманского поста загребал две чetyреста, да еще девятьсот рублей ему полагалось за гидрографические работы. Сам, что ли, глубины измерял? Капитаны и машинисты землечерпалок имели жалованье больше, чем у участкового пристава. Понаделали себе за счет сборов тепленькие местечки и сидят, подумал сыщик. Да еще приворывают. С таких должностей по своей воле не уходят, значит, у них тут стачка. Секретарь, бухгалтер, даже последний шаландер – все должны быть в сговоре. И пришлому ревизору правды не скажут. Он пытался изучить отчеты, но голова сразу же заболела от обилия цифр. Прорефулировано 9242,85 кубической сажени грунта по объему в плотном теле... Что за тело такое? Горизонт поднят на высоту четырнадцать футов от нуля рейки Министерства путей сообщения, установленной у железнодорожного моста Владикавказской железной дороги... При чем здесь мост и что там за рейка? Коллежский советник отложил бумаги и спросил Кузьмина:

- В какую сумму оценивается имущество комитета?
- В один миллион сто шестьдесят тысяч рублей.
- Ого! Это все за счет гирлового сбора накоплено?
- Да. За сорок три года нашего существования собрано более семи миллионов.

Сыщик почувствовал, что он на верном пути. Семь миллионов! Да за такие деньжищи соблазнится даже святой. А купец Парамонов на святого не похож. Вишь, шахты у него с пароходами. У воды да не напиться?

– А сколько за год комитет получает гирлового сбора? – продолжил он расспросы.

– Когда как, – ответил управляющий хозяйством. – В прошлом и позапрошлом годах выходило по триста шестьдесят тысяч. Плюс мы еще брали кредиты от банков. Но сейчас цифры будут меньше.

– Это почему?

Кузьмин объяснил гостю особенности работы комитета на текущий год. Оказалось, что тот подрядился с городской управой Нахичевани углубить подходный канал к каменной набережной города. Это позволит местным торговцам грузить пароходы здесь, а не отправлять их в соседний Ростов. Пошлины и сборы пойдут в нахичеванскую казну, рабочие места тоже прибавятся.

– А гирла?

– Ну, мы поддерживаем проходы в допустимом состоянии. Почистим дно между десятым и двенадцатым фонарями Прямого канала и немного у Бубликова колена. Срежем Кумженский перекат. Но основные работы будут возле нахичеванской набережной. Вон, посмотрите в окно. Левее! Рефулер «Федор Солодов» уже всюду трудится.

– Который рефулирует грунт? Что хоть означает это слово?

– Рефулером называется такой тип землечерпательной машины, которая передает выбранный грунт сразу на берег, через специальный рукав с транспортером внутри, – пояснил

Кузьмин. — Очень удешевляет работы: не надо помещать его в землеотвозные шаланды. Но такая черпалка у нас только одна, две других обычные.

Сыщик поднялся:

— Последний вопрос, Роман Федорович. Какого мнения вы о покойном Корди? Долго ли он у вас работал и как у него складывались отношения с сослуживцами?

Управляющий развел руками:

— Жалко Аркадия Георгиевича, нет слов. И служил он честно. Никаких недоразумений никогда не было. Пять лет без нареканий, все чин чинком... Не знаю, что на него нашло и почему он нас, добрых его товарищей, перед смертью оговорил. Увы, грех на нем.

Лыков поблагодарил хозяина и ушел. Он захотел поглядеть, как рефулер (вот ведь словечко!) углубляет дно напротив Нахичевани. Для этого сыщику требовалось подняться вверх по реке. Он не испугался трудностей и двинулся вдоль береговой линии. Та была сплошь заставлена пакгаузами, корпусами, складами и конторами. Пристани шли одна за другой, а на них грузились и разгружались суда. Всюду сновали тысячи людей: артельщики, приказчики, носаки, посыльные. Приезжий крутил головой и удивлялся такому наплыву. Ростовская набережная знаменита. Дума строила ее уже десять лет, две с половиной версты набережной обошлись городской казне в два с половиной миллиона рублей. Дух богатства и деловой сметки Ростова лучше всего чув-

ствовался именно здесь.

Питерец миновал лесную биржу Максимова, протиснулся сквозь толпу на станции Ростов-пристань (тут его едва не переехал драгиль¹⁸ с полным возом сырых кож), обогнул паровозные кассы и новые корпуса водопровода. Толчея не прекращалась. От криков людей уже шумело в ушах. Это еще зерно не поспело, подумал Алексей Николаевич; в августе тут станет как в психушке... Он оставил позади огромный двор завода Пастухова, затем железнодорожные пакгаузы – и вдруг оказался перед хозяйством Елпидифора Трофимовича Парамонова. Пять каменных амбаров выстроились в ряд перед пристанью, за ними возвышался гигантский корпус паровой мельницы с дымящейся трубой, в глубине краснели двухэтажные казармы и еще какие-то здания. А прямо напротив амбаров стоял тот самый рефулер «Федор Солодов», который сыщик недавно разглядывал в окно. Что он тут делает? До набережной Нахичевани еще не меньше версты.

Землечерпалка между тем дымила, тряслась и изрыгала на берег горы мокрого речного песка. Вдруг что-то треснуло, хрюкнуло, и шум мотора прекратился. На «Солодове» выругались, парень в тельняшке побежал к началу рукава.

– Опять в приемный ящик мусор попал, – весело пояснил сыщику стоявший рядом мастеровой в щегольском картузе. – Теперь чистить будут. Сколько тут этого хавоза – страсть! Чего только нет: и тележные колеса, и якоря, и даже

¹⁸ Драгиль – ломовой извозчик.

двухпудовую гирию утром выловили. Как забьется приемник, садись и кури...

— А почему это черпалка здесь работает, а не у нахичеванской набережной? — поинтересовался Лыков. — Вроде говорили, они там подрядились, а они, вишь, парамоновскую пристань чистят.

— И-и, барин, видно, что вы нездешний, — охотно откликнулся мастеровой. — Так в Ростове устроено. Елпидифор, лукавый черт, за чужие деньги у себя лоск наводит.

— Как это?

— А вот так. Он в гирловом комитете заправляет, слышали про такой?

— Ну слышал, и что?

— Вот. Комитет честь по чести подрядился, это вы верно сказали. Сделаем, мол, вам не просто канал, а цельный речной порт. В газетах об том писали. Пятьдесят саженей шириной, пятьсот длиной и четырнадцать футов глубиной.

— Хорошее дело, разве не так? — поддел собеседника питерец. Тот даже обиделся:

— А я и не говорю, что плохое. Только Парамонов в том деле свой интерес зарыл. Вход на новый рейд будет мимо его собственной пристани проходить, вот где мы стоим. И посему, вишь ли, пристань ему углубят бесплатно.

— Но почему бесплатно-то? Никак в толк не возьму.

— Эх, барин, не прикидывайтесь. Уж поняли давно, я ж вижу. Нахичеванская дума за все заплатит, в том числе и за

эти сто сорок сажень. А иначе никто им русло углублять не будет.

«Ну, Блажков, бежать тебе за водкой», – подумал командированный, а сам сказал:

– Безобразие!

Они постояли, помолчали. Тут вдруг мотор на землечерпалке вновь зарычал. Но, пока судно чинилось, рабочие перетащили его рукав на сторону. И Лыков с удивлением увидел, что теперь песок сваливают не на берег, а в небольшие самоходные шаланды.

– Чего это они? – спросил он у мастерового.

– Так положено, – ответил тот с видом знатока. – Подсыплют на левый берег, там, где рыбные заводы. Штоб весной меньше заливало.

– А вон те верзилы почему стоят? – сыщик кивнул влево. Там притулились у причала три особенные шаланды – они были заметно больше других.

Мужик загадочно посмотрел на барина, хотел что-то сказать, но передумал. Вместо этого он спросил:

– Вы с какой целью интересуетесь?

– Да так. Вижу: маленькие работают, а громилы отдыхают. Непорядок.

– А... Утром один приходил, краснорожий, здоровый, как бугай. Тоже все расспрашивал. Не из ваших будет?

– Из каких наших?

– Из сыщиков.

Алексей Николаевич огляделся – рядом никого не было. Он наклонился к уху мастерового и спросил:

– Это ведь те, что по двадцать кубических сажень грузят?

– Они, ваше благородие.

– А стоят почему?

– Не могу знать.

– Не бойся. Скажи, и я сразу уйду.

– Им и так запишут.

Лыков кивнул и отошел. Он догадался. Мошенничество происходило у всех на глазах. Многие видели, что творится, и молчали. Что же за счастливцы работают на больших шаландах? За что им приписывают чужую работу? Ответ на эти вопросы питерец получил немедленно.

С одной из посудин ловко, минуя сходню, прыгнул на берег белобрысый верзила. Осмотрелся и двинулся к хлебным амбарам. Он шел вихляющей, хорошо знакомой Лыкову походкой. И наружность тоже характерная: золотая фикса во рту, ухмылка, дерзкий взгляд. Шаландер был из уголовных – опытный взгляд сыщика узнавал таких сразу.

Теперь следовало уходить. Если даже простой зевака заметил неуклюжие маневры сыщиков, тем более это сделают фартовые. Самое главное Лыков узнал, а детали надо собирать осторожно, не выдавая себя. И коллежский советник отправился на Дмитриевскую.

Там он первым делом разыскал Англиченкова. Тот сидел в общей комнате и натужно сочинял очередной рапорт. Уви-

дев питерца, отложил ручку-вставку и хотел было подняться. Коллежский советник удержал его от политеса:

– Петр Павлович, вы сегодня в порту были?

– Так точно. Выполнял поручение вашего высокоблагородия.

– Мы же договаривались: без этого.

– Виноват, Алексей Николаевич. Да, я начал присматриваться к кадру гирлового комитета. Начал с наемных работников и вот что узнал. Самая большая землечерпалка, оказывается, тут фурычит, а не в дельте. И шаланды почти все при ней. Аккурат напротив пристани Парамонова ведутся дноуглубительные работы.

– Мы с вами оба хороши, – буркнул питерец. – Уже успели наследить.

И он рассказал надзирателю о своем разговоре с незнакомым мужиком на пристани.

Англиченков смутился:

– Я вроде бы того... аккуратно...

– И я аккуратно. Но когда сразу двое об одном спрашивают, тут и дурак догадается. Надо согласовывать наши действия.

– Виноват.

– Да оба мы виноваты, но зато ниточку нащупали. Вы видели лица этих шаландеров? Тех, что с больших посудин, которые по двадцать сажень земли грузят?

– Видел. Они выстроились напротив хлебных амбаров.

Маленькие туда-сюда снуют, возят песок на левый берег. А эти три неподвижны. Шаландеры собрались вместе и в карты режутся. Я прошел мимо, одетый судорабочим. Будто бы земляка ищу со станицы Александровской... К ним тоже обратился. Послали они меня в одно место и продолжили играть.

– И как вам персонажи?

– Об этом, Алексей Николаевич, как раз рапорт и сочиняю, – оживился надзиратель. – Ведь я среди них Хана Ивана узнал!

– Хан Иван? Это кличка, что ли?

– Точно так. Он появился в городе прошлой осенью. Беглый в розыске, прибил к Меньшому Царю. Да так ловко, что скоро стал у него мазом над серыми¹⁹. Ловкий, сильный, большой отчаянности человек. Он теперь у Антипа главный боевик. По агентурным сведениям, именно Хан Иван убил в марте на Зеленом острове единственного в Нахичевани «ивана» Мисюру. А в апреле зарезал при налете купца Покорного. В нашей картотеке его нет, но мы располагаем приметами молодца. И вот, судя по этим самым приметам, один из тех троих, что резались в карты, – он.

– Хан Иван... – начал вспоминать коллежский советник. – В Москве есть Степка Хан, тоже никак поймать не могут. Кличку он получил за то, что родом из Новой Бухары. Может, и ваш маз тоже туркестанец? Надо бы послать запрос в

¹⁹ Серый – то же, что и вентерушник, то есть налетчик.

департамент.

Тут появился Блажков:

– Вот они оба два! Ну, что накопили?

– Бежать вам, Яков Николаевич, за водкой, – ошарашил его питерец.

– Это почему?

– Да ваш Парамонов за чужой счет свою пристань углубляет. Наверняка Корди выяснил и начал скандалить, язык распускать. Вот его и...

Начальник сыскной части отмахнулся:

– Ну вы скажете. Эту парамоновскую хитрость в Ростове даже уличные собаки знают. Нет тут никакой тайны, и казнить за такое смешно.

– Все знают и молчат?

– Ну, перебивают косточки Елпидифору Трофимычу, не без этого. Однако не забывайте, что Ростов – город торговый. Купцы заправляют всем. А у них мораль такая: словчил – молодец! Да и то сказать, сильно ли на этом наживешься? Несколько тысяч рублей мукомол сберег, задарма получит к осени глубокий рейд, который проходит мимо его амбаров. Ну и что? Все равно другого пути к нахичеванской набережной нет и быть не может. Увы, Алексей Николаевич, тут вы попали пальцем в небо.

– Пусть так, – не стал спорить питерец. – Зато мы сообща придумали новую версию. Я с мастеровым одним нынче на пристани разговаривал. Почему, спрашиваю, большие

шаланды на приколе стоят, а маленькие работают? А мужик ответил: большим так и так сколь положено запишут.

– Вот это интересно, – оживился Блажков. – Я получал сигналы, что с этими дноуглубительными работами мухлюют, деньги на сторону уводят. Да не придавал значения. Убийствами некогда заниматься, не то что... Значит, тут мошенничество?

– Скорее, вымогательство. Я побоялся близко к тем шаландам подходить, а Петр Павлович перекинулся с их рулевыми парой слов. И...

Блажков повернулся к подчиненному:

– Говори!

– Так что, дядя Яша, один из них по всем приметам Хан Иван.

– Точно ли?

– Фотокарточки его у нас нет, и сведения лишь агентурные. Но похож. Рост – два аршина одиннадцать вершков²⁰. Глаза карие. Правая бровь выше левой, спереди фикса, зубы неровные. Волосы короткие, светлые, кожа нечистая, на правой щеке даже рябая. Он!

– Черт бы их драл! Вот, значит, какие у Елпидифора рулевые, – констатировал Блажков.

Он посмотрел на собеседников:

– Взять бы эту сволочь. Однако порт не наша... как это?

– Компетенция? – догадался Англиченков.

²⁰ 191 см.

– Точно. Не наша там компетенция, а портовой полиции. Она подчиняется напрямую градоначальнику, полицмейстер для них никто.

– Согласие Зворыкина получить легко, – заявил не имеющий чина. – Портовые возьмут фиксатого, передадут нам, а мы пошлем запрос в Департамент полиции. Там на Хана Ивана наверняка дело толщиной в три вершка. И фотографии как у Сары Бернар. Алексей Николаевич ускорит его получение. Опознаем и вернем в рудники, а?

– Не в нем дело, а в банде, – возразил Лыков. – Брать, так всех разом.

Ростовцы хмыкнули:

– Разом? Двадцать человек? Полиции не хватит.

– Я понимаю, потому и предлагаю душить их чужими руками. Азвестопуло прислал телеграмму: через три дня он будет здесь. А у нас ни коня, ни воза. Яков Николаевич, адресный стол хоть запросили? Есть однофамильцы у тех стодесятников, чьи фамилии известны?

– Стол запросили, и это ничего не дало, – ответил Блажков. – Но я схомутал Шелавина, это столоначальник солдатского стола управления полиции. И он раскопал одну штуку. Кого мы из беглых солдат выяснили? Папаяниди и Добудогло. Так вот, в городе людей с такими фамилиями нет. Зато Папаяниди – девичья фамилия жены купца Августато. Он доверенный²¹ «Общества Должанских антрацитовых ко-

²¹ Доверенный – представитель с правом совершать сделки.

пей», еще у него столовая на Первой Георгиевской улице и кофейня в саду «Палермо», где промышляет неофициальная биржа хлеботорговцев.

– Хорошая работа, – одобрил питерец. – Сумеете к этому доверенному агенту подвести? В Чертовом отряде до десятка штыков. Им надо где-то жить, есть-пить, ночевать, играть в карты. Таких трудно не заметить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.